

Действующие лица

НЕРОН, император
СПОР, недавний юноша
ТЕРЦИЯ, молодая женщина
ФАОН, вольноотпущенник
Дети Фаона

*Сцена представляет собой зыбкий
пустырь.*

*Рыхлые блёклые лужи. Чёрная
провока кустарника...*

Пожалуй, кустарник – лишнее.

*Рябое пространство с приметами
человека: ржавая ванна, бывшие чемоданы,
обломки стульев, кипы старых газет, ещё
каких-то жёлтых бумаг, растерзанная
подушка – повсюду перья.*

*В мокрых складках неба низко, прямо
над головами, неспешно ворочается матовое
тело дирижабля.*

*До неузнаваемости изуродованный
автомобиль. Дрожащий пар указывает на
то, что авария произошла совсем недавно.*

Моросит.

Действие первое

Дрожь

*Первым из тлеющей дорожной раны
выбирается Спор с морской раковинкой в
руках. Будучи скверным музыкантом, тем не
менее, на протяжении всего действия он будет
демонстрировать возможности этого
диковинного инструмента.*

*Спор стремительно бежит, падает на
землю и съёживается в ожидании взрыва.*

*Появляется сутулящийся хмельной
гигант Фаон. Гулко ругается. Довольно долго
и без слов. Умолкает. Набирает полные
лёгкие воздуха, зажмуривается и...*

*Возвращается. За Нероном. Пытается
вытащить Цезаря из груди желез: сначала за
руку, затем, ухватив за ворот пиджака,
наконец, обняв ноги.*

*Наконец цель достигнута.
Освобождённый Нерон стенает.*

*Фаон, очевидно не в себе, не слышит его
жалоб. Не отпуская ног, взъерошенный и*

*хмурым, он растеряно бродит с ним, точно с
куклой по кругу.*

*Мало-помалу Спор приходит в себя,
усаживается на корточки, потирает
ушибленное плечо, наблюдает за
путешествием своих спутников.*

*ФАОН: Что ж, да что ж... четырежды в
дрожь... в дар тебе карты, перца в лоб...
четырежды чертёж, перепахать твою дрожь...
четырежды тать, дождь его знать, стать,
перестать... блох твоих ох... тать, ещё тать,
дождь через дождь...*

*Фаон завершает круг,
останавливается.*

*ФАОН: Перепахать твою дрожь, Цезарь!
Пропади всё пропадом, Цезарь! Слышите меня,
Цезарь? Пропади всё пропадом, говорю... Я к
тому, Цезарь, что дождь этот никогда не
закончится. Похоже на истину. Что скажете?
Слышите меня?.. Да живы ли вы, Цезарь? Тать,
тать...*

*НЕРОН (превозмогая боль): Что ты
делаешь, Фаон?*

*ФАОН: Тать, тать, перетать... Вы меня о
чём-то спросили, Цезарь? Вы говорили со мной
только что? Что, что, перечто...*

Нерон закрывает глаза.

*СПОР: Император интересуется, что ты
делаешь, Фаон? И мне, признаться, интересно.*

ФАОН: Зачем тебе раковина, Спор?

СПОР: Какая раковина?

ФАОН: У тебя в руках раковина.

*Спор с удивлением смотрит на
раковину у себя в руках.*

ФАОН: Что скажешь?

*СПОР: Если бы у меня был в руках
чайник, ты бы спросил, зачем тебе чайник.*

ФАОН: Не исключено.

*СПОР: Император интересуется, что ты
делаешь, Фаон? И мне, признаться, интересно.*

Пауза.

*ФАОН: Минуточку, Спор, одну
минуточку. Своей раковинкой ты разрушил
строй моих мыслей... Что ты спросил? Дай
сообразить. Если я тебя правильно понял, ты
только что намекнул мне, Спор, будто бы
император говорил со мной? Ты только что
намекнул мне, Спор, будто бы императора
заинтересовали мои умозаключения? Чьи
умозаключения? Мои умозаключения?*

Заинтересовали. Кого? Императора? И либо мне послышалось?

СПОР: Идиот.

ФАОН: И либо мне послышалось?

СПОР (громко): Императора

заинтересовали твои действия.

ФАОН: В каком смысле?

СПОР: Цель.

ФАОН: Цель?

СПОР: Цель.

Пауза.

ФАОН: Вижу ли я цель?.. Я скажу так.

Когда бы я был лётчиком или бомбометателем... Не то. Погоди, погоди, кажется, начинаю понимать... Ах, вот оно что?! Вот оно что?! (Смеётся.) Ну, что же! Это чертовски приятно, Спор! Этим можно гордиться. Жаль, мои волчата не слышат. Разжиревшие ленивые волчата. Разжиревшие, но вечно голодные и ленивые волчата. Молодые волки. Насильники и убийцы! Милые, но гадкие немые болтуны. Пачкуны и выскочки.

СПОР: При чём здесь твои дети, Фаон?

ФАОН: А вот я тебе поясню, и ты всё поймешь... Представь себе, Спор, они находят, что их отец, то есть я, выжил из ума... Кто? Их отец... Можешь себе представить такое? Тот самый отец, что принёс им, как говорится, на блюдечку свободу и шоколад. Прежде шоколад, а затем и свободу. (Задумывается.) Пожалуй, шоколадом я всё испортил. Не удивлюсь, если окажется, что у них открылся сахарный диабет. Вот ведь интересно. Зубы не пострадали, а сахарный диабет открылся. Это потому, я думаю, что они заглатывают всё, не жуя. Всё, что попадётся. Только начинает вечереть, они просыпаются...

СПОР: Фаон! Разве ты не слышал вопроса? При чём здесь твои дети?

ФАОН: Дети?! При чём здесь дети, говоришь ты?! Как же так, Спор?! Дети – это самое недоступное и важное, Спор! Наш полёт и падение, Спор! Невидимую нитью наши комедии, драмы и трагедии связаны с детьми нашими, Спор!.. Тебе этого, конечно, не понять. У тебя детей быть не может. Что глупо как минимум! Цезарь! Цезарь очень понимает. Он и сам страдает от детей своих!.. От нас с тобой, Спор! Да, да, в том числе и от нас с тобой, Спор! (Пауза.) Задавался ли ты вопросом, какими детьми мы были ему, даровавшему нам свободу и шоколад? Принёсшему, как говорится, на блюдечку свободу и шоколад?! Прежде шоколад, а затем и свободу?!.. Мечтательный и благородный отец, нечуждый прекрасному, красному, напрасному... Нет, «напрасному» здесь не годится. (Прислушивается.) А я говорю, не годится... И что же, что рифма? И что же, что рифма? Что из того? Разве мы живём по законам рифмы? Конечно, если бы мы жили по законам... А я говорю, не годится!

Фаон затыкает уши, зажмуривается.

Фаон осторожно открывает глаза, опускает руки.

СПОР: С кем ты сейчас беседовал, Фаон?

ФАОН: С погорельцами, пропади они пропадом. Это погорельцы, Спор. Голоса погорельцев... И не я беседовал с ними, а они – со мной... Их много и они сильнее меня. Они со мной беседуют, не я с ними... А ты, что же, Спор, не слышишь голосов?

СПОР: Представь себе.

ФАОН: Счастливый человек. Они тебя побаиваются, наверное.

СПОР: Кто?

ФАОН: Погорельцы. Погорельцы не шалят с тобой?

СПОР: Какие, к чёрту, погорельцы, Фаон?

ФАОН: Погорельцы, пропади они пропадом. Путешествуют от одного к другому. От одного – к другому. От одного – к другому. От одного – к другому... Ну, и ко мне заглядывают... Временами. Не сказать, чтобы часто. А к тебе, Спор, не заглядывают?

Спор принимается извлекать из раковины невообразимые звуки, которые уже в воздухе как-то сами по себе сплетаются в грустную диковинную мелодию.

ФАОН: Не заглядывают, или не хочешь говорить? Они тебя побаиваются, вот что. Почему, интересно? Ты же не Тигеллин, чтобы тебя побаиваться? Ты им просто не интересен, я так думаю. Ты пуст и зол... Прощу прощения. Отвлёкся. Итак, какой цели, Спор, предстоит ему, мне то есть, достигнуть? Постигнуть, застегнуть, застегнуть?.. Застегнуть – не годится... Слушай, Спор! Я намерен попробовать свою мочу на вкус – она сладкая. Как думаешь, не открылся ли у меня сахарный диабет? Или так бывает всегда, если вдоволь поешь шоколада? Что скажешь? Хочу рассказать Цезарю. Он наверняка знает толк в болезнях.

СПОР (прервав игру на раковине, громко и по слогам.): Цезаря интересуется, с какой целью ты возишь его по кругу вот уже битый час?

Пауза.

ФАОН: И всё?

СПОР: Всё.

Пауза.

ФАОН: Больше ничего?!

СПОР (раздраженно): Ничего!

ФАОН: Не смей повышать голос на пожилого, сумасшедшего, но здравомыслящего и притом свободного человека! Калека, веко, картотека!.. И даже если я действительно сошёл с ума, сохранив смысл и память, это не прибавляет прав! Никому! Эти манеры – не для меня!.. Теперь!.. И прежде!.. Я тебе не девица Терция! Лукреция, сестерция... Ты сам – девица! (Пауза.) Кстати, где она? Её с нами нет. Где она? Она ехала с нами?.. Кого я спрашиваю?! Тебя же не интересуют девицы.

Но, имей в виду, тот, кто тебя интересуется, уже далеко не тот, кто тебя интересуется! Как бы то ни было – она человек! Я – уже о Терции. Какая ни есть, но человек! Надеюсь, ты не станешь отрицать? Слушай, Спор, вот мысль, а что если тебе всё же попробовать?

СПОР: Что попробовать, Фаон?

ФАОН: Как следует присмотреться к девицам?

Спор возобновляет игру на раковине.

ФАОН: Знаешь, в чём тут фокус? Они здорово отличаются от нас. Ты просто внимательно не рассматривал их. А это забавно... Ты слушаешь меня, Спор? Находишь, что я недостойн интимной беседы? Брезгуешь?! Находишь меня сумасшедшим?

Фаон возобновляет путешествие.

ФАОН: Даже если я сошёл с ума... С ума, сума, сумма... Не исключено... Наверняка... Эта – беда моя, Спор. (Пауза.) Я сошёл с ума, когда разбогател... Тотчас. Когда получил свободу и тотчас разбогател... Нет, хронология нарушена, богатеть я начал раньше... А знаешь, Спор, для того, чтобы разбогатеть, вовсе не обязательно быть свободным. Но когда ты богат и свободен, шансов сойти с ума больше. Так что свобода – сомнительное счастье. (Пауза.) Кто здесь говорит о счастье? Я говорю. А почему бы и нет? Молчать!.. Янус. В каждом из нас живёт Янус, Спор. Ты не задумывался об этом?.. Отвлёкся. Прости. Итак. Сошёл с ума, но сохранил здравомыслие... Здравомыслие сохранил. Не скрою... Впрочем, я был свободен три, от силы пять дней. А потом на меня надели хомут, я, естественно, прозрел и вот тогда уже окончательно сошёл с ума. (Пауза.) Знаешь, Спор, я думаю, что в свободной, по настоящему свободной стране свободы быть не может... Если это действительно свободная страна... Слава богам! Слава богам, мы в свободной стране и со свободой у нас всё в порядке!.. Спасибо Цезарю Нерону! Слава Цезарю Нерону!

Фаон останавливается, оборачивается к Нерону.

ФАОН: Любуюсь вами, Цезарь... И в минуту лишений... (Тревожно.) Цезарь! Да вы узнаете ли меня?.. Это я – Фаон. Вольный бывший раб. Бывший, но вольный, но раб. Не раб уж, краб. Краб не годится. (Пауза.) Цезарь, вы живы?

Нет ответа.

ФАОН: Эй, Спор, Цезарь молчит... Ни слова. (Пауза.) Он действительно задал вопрос? Ты сам слышал?.. Он задал вопрос? Он действительно задал вопрос? Он действительно задал этот именно вопрос? Именно спросил?

СПОР: Спросил.

Пауза.

ФАОН (Спору): Вот уж не знаю, стоит ли доверять тебе, Спор. Ты, хотя пуст и зол, но

многолик... Впрочем, за исключением Цезаря мы все многолики. И либо двулики. Как Янус. Как минимум. Возможны варианты... Преимущественно сто и тысячелики... Все как один... Только не он. Он – другое дело. Нерон. Фараон. Слон. Цезарь... Требуется пояснений. Видишь ли, Спор, когда Цезарь сердится...

СПОР: Ты когда-нибудь остановишься?

ФАОН: Когда Цезарь сердится – он сердится, и больше ничего. В это время он не любит, не играет, не размышляет и не воюет. Только сердится. Когда же он, напротив, играет – он играет и всё. В это время он актёр, и всякий может бросить помидор, он не станет сердиться, ибо он играет, а не сердится, и не размышляет, и не воюет.

СПОР: Умоляю, Фаон!

ФАОН: Вот почему он – Цезарь, а ты – постаревший мальчик. И всё... И всё... Мальчик, а вместе с тем – интриган, чудовище, циник...

СПОР: Ты забываешься, Фаон!

ФАОН: За что Цезарь любил тебя?

СПОР: Ты забываешься, Фаон!

ФАОН: Заметь, я употребил глагол в прошедшем времени.

СПОР: Забываешься, Фаон!

ФАОН: Что ты говоришь?

СПОР (что есть сил): Ты забываешься, Фаон!

ФАОН: Возможно... В моём возрасте это не исключено. (Нерону.) Вы живы, Цезарь?! (Спору.) Янус умело руководит каждым из нас, изнутри, а Цезарем – не руководит. (Переходит на шёпот.) Они равны, соображаешь? Не исключено, что вечерами они беседуют за чашей чёрного вина. (Нерону.) Цезарь, вы живы? Скажите. Только не лукавьте, не берите с нас пример. Живы ли вы?.. Если нет, ничего не говорите. Мы поймём... И, если живы – ничего не говорите. Только подайте знак, какой-нибудь знак. Моргните или остановите дождь. Или то и другое сразу.

НЕРОН (открывает глаза): Ты действительно много говоришь, Фаон!

ФАОН (Нерону): Жив! Слава богам, слава богам, слава богам!

Фаон возобновляет шествие. По причине радостного известия в движении наблюдается заметное ускорение.

ФАОН: А я уже грешным делом подумал... да, что там? Если откровенно, боялся взглянуть в вашу сторону. (Пауза.) Какое счастье! Счастье-то какое! Прошу тебя, Спор... и ты, уж, пожалуйста, расстарайся, Спор... всем доложи... всем и каждому... уж, пожалуйста, Спор – Нерон и теперь живее всех живых!

СПОР: Идиот.

ФАОН: Разве ты не расслышал моих слов, Спор?!

СПОР: Довольно!

Пауза.

ФАОН: Находишь, что время ещё не настало?

СПОР: Довольно!

Пауза.

ФАОН: Радостные события всегда немножечко запаздывают. Не замечал?

СПОР: Довольно!

Фаон на мгновение останавливается, после чего возобновляет шествие уже в размеренном темпе.

ФАОН: Четырежды в дрожь... в дар тебе карты, перца в лоб... четырежды чертёж, перепахать твою дрожь...

НЕРОН (Спору): Послушай, Спор, чем он занимается?

СПОР: Дурака валяет.

НЕРОН (гневно, насколько позволяют силы): Я спросил, чем он занимается, Спор?!

СПОР (Фаону громко): Нам с Цезарем хотелось бы знать, чем ты занимаешься, Фаон?!

ФАОН (бормочет себе под нос): Нам с Цезарем. Вам с Цезарем. Цезарю и тебе, в особенности тебе. Какое тебе дело до Цезаря? Кто ты и кто – Цезарь! Это я – с Цезарем. Кто с Цезарем? Фаон с Цезарем. А ты кто такой? Уж не Цезарь ли? Кто ты, кто? Цезарь? Нет, ты – Спор. Спор? Спор. Сырость. СОС. Состав. Сосулька. Сентябрь.

СПОР (Фаону): Что ты бормочешь?

ФАОН (раздраженно и громко): Сырость, сыч, Сычуань, саранча, часики, часики...

СПОР (громко): Фаон, остановись!

Фаон останавливается, отпускает ноги Нерона. Усаживается рядом, утирает пот со лба.

НЕРОН (Фаону): Скажи, братец, что происходит?

ФАОН (слёзы на глазах): Сырость, сырость, всюду сырость. Сырость и голоса. Голоса и брань.

НЕРОН: Скажи, Фаон, что ты делаешь со мной?

ФАОН (очень тихо): Играю.

НЕРОН: Что?

ФАОН (громко): Брань, брань, брань, брань. Дело – дрянь... Вы, Цезарь, не судите меня строго, сами видите, других слов при таком светопреставлении не подобрать. Брат, брат, брат, тетрадь, стрелять... Брань... Или стихи. Как вы думаете, Цезарь, брань это или стихи? Погорельцы секрета не открывают. Что это, Цезарь? Брань. Определённо, брань... О, боги, да вы весь дрожите, Цезарь! Вам холодно?.. Может быть, когда бы я был поэтом, как вы, Божественный, я бы и вспомнил что-нибудь приличное, но, извольте видеть, не всякому дано быть поэтом. Так что, прошу не судить меня строго, немного, берлога, тренога, дорога. (Запеваает.) Эх, дороги. (Умолкает, улыбается.) Мне очень хотелось бы родиться поэтом, Цезарь... Почему? Вы спрашиваете

меня, почему? Почему? спрашиваете вы меня?.. Я рассуждаю так. Пусть судьба у вас и незавидная, пусть вы, образно говоря, с рождения приговорены к Чёрной речке, зато легко можете уйти в себя, когда захотите. Как только вам заблагорассудится. Стоит лишь помечтать, только представить и вот, как говорится, бутерброд прямо в рот. Даже в самый, казалось бы, неподходящий или судьбоносный момент, оставляя неприглядную, а подчас, просто вопиющую действительность наедине с собою, тем самым как бы предоставляя ей, действительности, возможность поесть самую себя со всеми тифами, Голгофами и фанфарами...

Долгая пауза.

НЕРОН: Кто так говорит?

ФАОН: Простите, Цезарь, я премного недослышу. Некоторых слов вовсе не улавливаю. Иногда отвлекают голоса, иногда – шум. Вы помните пожар? Помните? Не помните? Помните? Вы ещё читали в утешение погорельцам Гомера... Помните этот шум, крики, шёпоты и смех? Нечто подобное теперь у меня в голове. Только Гомера никто не читает. А кто же его прочтёт, когда вы здесь, Цезарь? Вот если бы вы тоже умудрились забраться мне в голову? Но, зачем вам это нужно? Вы же не погорелец? И не Янус... Или я не прав?.. Кстати, я высказал предположение, что вы с ним знакомы. Мало того, простите за нелепость, иногда, по вечерам распиваете вино. А как обстоят дела на самом деле? Вы можете довериться мне. Я никому не скажу. Я слишком многим обязан вам... Ах, как вы читаете Гомера!

НЕРОН (громко): Кто так говорит?

Пауза.

ФАОН: Предполагаю, после вас, Цезарь, вообще долго читать не будут.

НЕРОН: Кто так говорит?!

Пауза.

ФАОН: Что, простите?

НЕРОН: Кто говорит – бутерброд прямо в рот?

ФАОН: Вам запомнился бутерброд?

НЕРОН: Кто говорит так?

Пауза.

ФАОН: А как же всё остальное?.. Как же всё остальное? Всё остальное вы не расслышали, Цезарь?.. Остальное?.. То многое, что я говорил? А говорил я немало... Скажите, Цезарь, это важно. Ведь если вы слышали только то, что касалось бутерброда, получается, что оглох не я один... Не могу сказать, что я переполнен ужасом, но, согласитесь, ощущать потерю слуха не очень приятно. Это я ещё мягко выразился... Хотя, ужаса, как такового не испытываю. Вы, Цезарь, отучили нас испытывать ужас. Пошли вам боги к жизни ещё и здоровья... Что же вы молчите, Цезарь? Почему не хотите ответить мне? Ведь если наступила всеобщая глухота – это коренным

образом меняет дело... Вам погорельцы не являлись? С шёпотами и криками? Ружьями и пиками? Угольями и бликами?.. Вы весь дрожите. Вам холодно? Не хотите говорить со мной?

НЕРОН (трёт виски): Помолчи немного, прошу тебя.

ФАОН: Что я могу сказать? Ничего... Как всегда. Пошли вам боги здоровья, Цезарь, если вас ещё интересует эта проблема. Слов много, а сказать ничего не могу. Зато эти погорельцы, вот уж, право слово, гори они синим пламенем...

Нерон поднимается. Подходит к луже, склоняется над ней и пьёт медленными глотками.

ФАОН: Что вы делаете, Цезарь? Что это? Спор! Цезарь! Зачем же вы, Цезарь? Это – лужа, грязь.

СПОР: Не отвлекай его.

Пауза.

ФАОН (Спору): Зачем он, а? Как же это? Разве такое может быть? Почему же его никто не остановит? (Нерону.) Цезарь, я только что пожелал вам здоровья, а вы?

СПОР: Помолчи, пожалуйста. Он должен это сделать.

ФАОН: Но зачем?

Нерон рукавом вытирает рот, становится на колени.

НЕРОН: Вот напиток Нерона!

Пауза.

ФАОН (шепотом): Зачем, Спор?

СПОР: Предписано.

ФАОН: Кем?

СПОР: Им самим. Кто же ещё может составить Цезарю предписание?

ФАОН: Янус или Юпитер, насколько мне известно. Я, между нами, больше люблю Януса. Всё же...

СПОР: Не отвлекай.

Нерон закрывает глаза.

ФАОН (Спору шёпотом): Да, но что это означает?

СПОР (Фаону шёпотом): Цезарю захотелось пить.

ФАОН: Да, но это не так.

СПОР: Откуда тебе знать?

Пауза.

ФАОН: Это репетиция, да? Репетиция? Обожаю репетиции. Это репетиция?

СПОР: Цезарю хочется пить.

ФАОН: Да, но в машине, вернее, в том, что от неё осталось, есть вино. Спор, принеси вина. Цезарь весь дрожит. Ему нужно согреться. (Нерону.) Цезарь, выпейте вина. Вино неплохое, уверяю вас, я пробовал.

СПОР: Ты можешь помолчать?

Пауза.

ФАОН: Отличное вино.

СПОР: Ты понимаешь, что это – исторический момент?

ФАОН: Исторический момент?
СПОР: Исторический момент.

Пауза.

ФАОН (Спору): А ты не врёшь ли?

СПОР: Не вру.

Пауза.

ФАОН: И всё же не могу понять божественного замысла.

СПОР: Разумеется. На то он и божественный.

Нерон открывает глаза и, жмурясь от дождя, возносит руки к небу.

НЕРОН: Я выпил свой напиток! О, боги, видите ли вы, что случилось с Нероном?! Как низко пал ваш преданный слуга и брат Нерон?! Мне некого винить. Я сам, всё сам, ваш лицедей и лирик! Испил напиток свой ваш лицедей и лирик! Ваш лицедей и лирик, ваш преданный слуга и брат!

Нерон роняет голову, вновь закрывает глаза и неловко валится на бок. Дождь немедленно прекращается.

ФАОН (Спору): Только не говори, что он умер.

СПОР: Молчу.

Дети

Нерон открывает глаза. Садится.

НЕРОН (Спору): Плохо?

СПОР: Перегорел.

НЕРОН: Перегорел?

СПОР: Перегорел.

Пауза.

НЕРОН: Мне казалось...

СПОР: Перегорел... Это всё авария.

НЕРОН: Авария?

СПОР: Без сомнения.

Пауза.

ФАОН (со слезами умиления): Так я и знал! Репетиция. Так я и знал... Обожаю репетиции! Конечно же, репетиция! Петиция, амуниция. А я подумал – спектакль. Вот что такое великий актёр! Лицедей! Лицедей и лирик, лирик и лицедей... порей, налей, Финдлей... (Нерону.) Вы гений, Цезарь! И не спорьте!

Некоторое время Фаон размышляет, после чего припадает к луже и пьёт.

СПОР: Зря ты это, Фаон.

Фаон отрывается от лужи.

ФАОН: Почему?

СПОР: Не впечатляет.

ФАОН: Тебя. А другие голову потеряют.

СПОР: Кто это, другие?

ФАОН: Те, что наблюдают за нами.

Пауза.

НЕРОН: За нами наблюдают?

ФАОН: Всегда... Требуется пояснений. Я намерен окончательно и бесповоротно спасти вас, Цезарь.

НЕРОН: Каким образом?

ФАОН: Хочу заморочить им голову...
Разыграть... Розыгрыш равноценный жизни.
Шекспировский розыгрыш!

НЕРОН (Спору): О чём речь?

ФАОН: Когда бы вы приказали ещё и Спору напиться из лужи, они просто-напросто сошли бы с ума... Ну, как же? Они знают, что вы, Цезарь, предписали себе напиться из лужи. А теперь, представьте, из лужи пьют три человека. Жаль, что нас только трое. Четверо, четырнадцать, двадцать четыре человека – вот это было бы настоящее пиршество рассудка, точнее, безрассудства. Пойди пойми, кто из нас Цезарь? Внешность не имеет значения. Внешность можно изменить. Тем более, вы – великий актёр. Тем более вы в сложившихся обстоятельствах на себя не похожи. (Смеётся.) Откровенно говоря, вы уж простите меня за нелепость, я в сложившихся обстоятельствах похож на вас больше вас самого... Помолодели. Уж вы простите меня за нелепость. Крепость, ветошь. Ветошь – ни к селу, ни к городу... Подождите, а разве нас трое? Была ещё девица Терция. Послушайте, а где девица Терция? (Зовёт.) Терция!

СПОР: Нет Терции.

ФАОН: Терция! Где девица Терция? Она погибла? Она собиралась ехать с нами. Она поехала с нами?

СПОР: Нет.

ФАОН: Я помню её на заднем сиденье.

СПОР: Это была не она.

ФАОН: Кто же это был?

СПОР: Император.

ФАОН: Что же я мог спутать императора с девицей?

СПОР: В сложившихся обстоятельствах – легко.

ФАОН: Да. Это так... И всё же она погибла. Она погибла, Спор?

СПОР: Вероятнее всего.

Пауза.

ФАОН: Нужно бы посмотреть... Но я плохо переношу сцены гибели. Вот если бы ты, Спор...

СПОР: Забудь.

Пауза.

ФАОН: Это ревность.

СПОР: К мёртвой девице?

Пауза.

ФАОН: Зачем только она поехала с нами? Очень жаль... Они бы однозначно подумали на неё.

СПОР: Бред.

ФАОН: Какой же бред? Ты только что сам признался, что перепутал её с императором.

Пауза.

НЕРОН: Это так, Спор?

СПОР (Нерону): Кого ты слушаешь?

Нерон ложится и закрывает глаза.

ФАОН (шёпотом): Очень жаль.

СПОР: Кто она тебе, Фаон? Любовница? Дочь?

ФАОН (шёпотом): Твоя ревность неуместна.

СПОР: При чём здесь?..

ФАОН: Обыкновенно императоры, когда бегут, переодеваются в женские платья. Они бы приняли её за Нерона, и дело с концом... Она белокожа и юна, как Цезарь... Ну, что же? С другой стороны, я мужчина – это очевидное преимущество. Кроме того, я увлечён театром...

СПОР (Фаону): Ты в зеркале себя видел?

ФАОН: Видел.

СПОР: Что скажешь?

Фаон берёт за ноги Нерона и возобновляет шествие.

Спор отправляется к руинам автомобиля и принимается извлекать разнообразные вина и закуски.

ФАОН: Ну, что там, Спор?

СПОР: Что?

ФАОН: Она погибла?

СПОР: Нет, как будто.

ФАОН: Она жива?

СПОР: Спит.

ФАОН: Ты слушал её дыхание?

СПОР: Нет.

ФАОН: Почему же ты решил, что она спит?

СПОР: Пошевелила рукой.

ФАОН: Во сне?

СПОР: Во сне.

ФАОН: Откуда знаешь?

СПОР: Оставь меня в покое.

Пауза.

ФАОН: Бывает, что человека уже нет, а некоторое шевеление сохраняется... А если взглянуть на эту проблему с экзистенциальной точки зрения, смерть – всего лишь сон. Янус...

СПОР: Она спит!

ФАОН: Точно? Слава богам! Но почему она спит?

СПОР: Пьяна.

ФАОН: Пьяна?

СПОР: Пьяна.

Пауза.

ФАОН: Откуда знаешь?

СПОР: Запах.

ФАОН: Мы все выпивали.

СПОР: Она пила больше остальных.

ФАОН: Иногда человек и выпьет много, но с ним происходит нечто, и он, в независимости от того, что, казалось бы и выпил много, оказывается трезвее прочих. Так бывало со мной. Однажды мои дети, эти волки, я любовно называю их волчатами, согласись, как бы то ни было, и что бы ни происходило, мы любим своих детей...

СПОР: Она пьяна.

ФАОН: Слава богам, слава богам!

Спор расстилает плащ, принимается накрывать импровизированный стол. Фаон останавливается. Садится.

ФАОН: А знаете, не исключено, что она спасла нам жизнь. По моим наблюдениям, даже присутствие пьяного человека оберегает присутствующих от несчастья. Слава богам, слава богам!.. Слышишь, Спор? Хорошо, что мы с Цезарем не послушали тебя и взяли её с собой! Слышишь, я не согласен с тобой, Спор! Цезарь – великий актёр! Лицедей! Лицедей и лирик, лирик и лицедей... порей, налей, Финдлей... перегорел, сгорел, пострел... сомнения, сомнения... конечно, сомнения, когда сомнениям есть место в голове... И время для сомнений, что немаловажно... Мне тоже некого винить! Но только я скажу – не сам, судьба моя со мной играет... И всё же сам, всё – сам!.. О, боги!

Нерон открывает глаза.

ФАОН: Слава Цезарю!.. Вы, Цезарь, никогда не спрашивайте Спора о своей игре. И поменьше слушайте его. Он несправедлив к вам. Он видел все ваши представления и развёртывание вашим талантом... Осмелюсь заметить, вы сами распустили его. Просто он никогда не был рабом и не знает, что такое мечта... Вы всё гениально сыграли. Михаил Чехов в сравнении с вами – пингвин из детского театра. Когда бы это было уместным, я устроил бы вам овации.

НЕРОН: Почему пингвин?

ФАОН: Трогательное животное.

НЕРОН: Откуда в Риме пингвины?

ФАОН: Ганнибал приволок.

НЕРОН: Странно.

ФАОН: Что именно странно, осмелюсь спросить?

НЕРОН: Всё – странно.

ФАОН: Он вообще был странным человеком, это Ганнибал. Вот зачем он всё время лез в Рим? Что ему было здесь надобно? Он хотел пристроить нам свой зоопарк? Что же, у него это получилось. Однако сделал ли он своих зверушек счастливыми? Да и нас с вами, если разобраться.

Пауза.

НЕРОН: Странно то, что я совершенно спокоен. Точно вынули из меня то, что заставляет страшиться, любить, волноваться, мучиться, страдать. Эту трещотку, игрушку, не знаю, как назвать этот зуммер в паху... Он все время ворочался и пульсировал, этот жук. А теперь молчит. Зснул. Сломался... Боли совсем нет.

ФАОН: Осмелюсь заметить, вы только что стенали, Цезарь.

НЕРОН: Это по инерции. Просто я знаю, что в таких ситуациях обычно стенают.

ФАОН: Блистательная игра, Цезарь! Если бы это было уместным, я устроил бы вам овации!

СПОР (Фаону): Лесть не всегда желанна, Фаон.

ФАОН: Всегда желанна... Лесть? Всегда желанна!

Цезарь должен совершенствоваться.

ФАОН: Он – само совершенство!

СПОР: Цезарь должен расти.

ФАОН: Да как ты смеешь?

СПОР: Цезарь обожает критику.

ФАОН: Цезарь?! Критику?!

СПОР: Представь себе!

ФАОН (Нерону): Блистательная игра, Цезарь! Совершенная игра!

СПОР: Однако ты заметил, что это игра.

А при хорошей по-настоящему игре ты должен был бы забыть, что перед тобой актёр.

ФАОН: Разве кто-нибудь имеет право указывать мне, что я должен чувствовать во время представления?! Актёру – да. Актёру можно указать, что он должен чувствовать. Если, разумеется, у тебя действительно есть полномочия критика! Критика или Аполлона, что, в сущности, одно и то же. И тот, и другой нещадно разит ящериц, вне зависимости от их окраса и размера. Если такие полномочия имеются – в путь! Указывай! Несчастливым, но счастливым актёрам! Они привыкли к хуле и славе. Зрителю же указывать – не сметь! Зритель – жертва, а не жрец. Христианский младенец, с позволения сказать!

Впрочем, если ты хочешь знать, что я почувствовал во время представления, я скажу тебе, сладкий мальчик Спор, что я почувствовал во время представления! Я почувствовал себя плюгавым лысеющим ленивцем, из тех, что притащил с собой Ганнибал, ленивцем, которого обесчестила стая циничных и жестоких молодых волков, его собственных детей, которых он любил больше жизни – зазвала, как говорится, на рюмочку, надсмеялась, надругалась и выставила вон, на улицу.

Нехорош я им... Кто я для них? Старый ленивец. Они же – волки. Это, брат, совсем другой коленкор. Волк – это успех, победа. А что такое ленивец?.. Справедливости ради стоит сказать – меня действительно мучают газы и прочее брюзжание. По делу и без дела... Ну, так что ж? Эх, дети, дети, скоро и у вас будут дети. Кто, интересно? Пираньи? А ну, как снова ленивцы?.. Рыси, скорее всего. Как думаете, Цезарь?

НЕРОН: От ленивцев действительно могут случиться волки?

ФАОН: Ещё как! Уж мы то с вами знаем!.. (Осекается.) Впрочем, я отвлекся. Простите... И вот иду я, гонимый ветром, куда глаза глядят. Разумеется, с трудом передвигая ноги, как всякий ленивец... Не плачу. Ещё не могу прийти в себя, так что слез пока нет. Иду и думаю – только бы они простили меня. Я всегда так думаю, когда дело касается детей. Привык во всём винить себя. Даже когда и не виноват...

Между прочим, младшенький, Алёша, всегда целует меня. Всегда. Даже когда ударит,

после непременно поцелует... Итак. Иду. Напеваю какую-нибудь копеечную песенку. Чуть слышно... Если взглянуть со стороны – тяжело больной ленивец. Психически больной... Ночь. Темно. Не видно ни зги. И, вдруг, выстрел в голову. Кто-нибудь из погорельцев выстрелил из берданы. Случайно или нарочно – история умалчивает. Кровь.

СПОР: Кровь откуда?

ФАОН: И ты следишь за моей мыслью, Спор? Это приятно. Это чрезвычайно приятно... Без крови ничего не бывает, Спор. Без крови, как говорится, и клоп не насытится... Иногда я бываю излишне дерзок. Прости. Это из любви к Цезарю... Итак. Искры из глаз. Но я не понимаю, что это выстрел, и не понимаю, откуда искры... Падаю. Навзничь. Возможно перелом. Руки или ноги. Мученическая боль и искры... Что за искры? Откуда? Первое, что приходит в голову – боги сжалились надо мной. Пришли на помощь... И вот я обращаюсь к ним: «О, боги, видите ли вы, что случилось со мной?! Как низко пал ваш преданный слуга и брат?!»

Ленивцы чрезвычайно напоминают людей, если конечно ты видел их когда-нибудь, Спор. Итак. Мне некого винить. Я сам, всё сам, ваш лицедей и лирик, ваш преданный слуга и брат! Когда б я был хоть на сто лет моложе, уж я бы смог подняться, пусть и без ноги, ваш преданный слуга и лирик. Но не теперь, когда любовь моя детей моих убила! Когда любовь моя детей моих убила... (Пауза.)
Приблизительно так.

Пауза.

СПОР (с очевидной иронией): Да.

Пауза.

НЕРОН: Фаон, зачем ты пил из лужи?

ФАОН: А вдруг?

Пауза.

СПОР (Нерону): Бред, Цезарь, разве ты не видишь, что он бредит?

НЕРОН (Спору): Однако он владеет высоким слогом.

ФАОН: Как вы сказали, Цезарь?

НЕРОН (Спору): Изъясняется как патриций.

СПОР: Да он пьян.

ФАОН: Что вы, Цезарь?! До патриция мне ещё далеко! Впрочем, кто знает? Откуда, что и как? Впрочем, это совсем другая история. На сей раз история, не имеющая никакого отношения к голосам. Скорее, судьба, немая и слепая судьба. И потом, уж вы меня простите, голоса голосами, а я как-нибудь сам по себе, слава богам, ещё умею отличить, что подлинное, а что настоящее. Хотя сомнения, признаться, терзают меня. Без сомнения. Мнение, терпение, мучение. Мучение, да и только. Но и мучение дано нам в данность. Разве не так? А вы, прошу прощения за назойливость, о чём подумали, Цезарь, когда я припал к вашему бокалу?

Пауза.

НЕРОН (Спору): Разобрать смысл в его словах невозможно, но то, что он изъясняется как патриций, очевидно.

СПОР (Нерону): Теперь все изъясняются как патриции.

ФАОН (смеётся): Так я и думал. Я вам вот что на это скажу, друзья мои: всякая ягода, неровен час, созревает, как бы солнце ни жгло и как бы ни хмурилось небо. Мудрость, она и в потёмках тлеет.

Пауза.

СПОР (Нерону): Теперь всякая собака изъясняется как патриций.

ФАОН: Разве ленивец не точная метафора? Кто мы, как не ленивцы? Что же касается волчат? Да, мы не устаем их любить, даже когда их зубки смыкаются на нашем горле, даже и на смертном одре. Однако мало кто из нас задумывается, наши ли они дети, в том, настоящем, смысле. И дети ли они вообще... Вы, как никто понимаете меня, Цезарь.

Пауза.

СПОР (Нерону): Ты сделал их такими. Дал свободу. Показал деньги. Научил изысканной любви. Привил демократию, просветил. Приобщил к искусствам и казино. Научил завязывать галстуки и прикалывать булавки, носить подтяжки и есть китайскими палочками, играть в боулинг и смеяться. Главное, ты научил их много и задорно смеяться.

НЕРОН: Довольно.

СПОР: Как будет угодно.

Пауза.

НЕРОН: Фаон, зачем ты пил из лужи?

ФАОН: Стратегия.

СПОР (Нерону): Бред, Цезарь, разве ты не видишь, что он бредит?

Пауза.

НЕРОН: Вот что, Спор, напейся из лужи.

Пауза.

СПОР: Зачем?

НЕРОН: Так, на всякий случай.

Из-за пригорка появляется компания молодых людей с пращами и ружьями. Они приближаются к Нерону. Останавливаются. С любопытством изучают его.

НЕРОН: Пора? (Пауза.) Вы за мной?

ФАОН: Нет, нет, Цезарь. Это мои дети, я только что хвастался ими. Это мои дети. Они не причинят вам вреда. Вред они могут причинить только своему отцу. Мне, то есть.

Пауза.

НЕРОН: Почему же они не приветствуют своего императора?

ФАОН: Они не умеют говорить.

Простите их, Цезарь.

НЕРОН: Зачем они пришли?

ФАОН: Любопытство привело их.

НЕРОН (молодым людям): Уже недолго осталось.

ФАОН: Что вы имеете в виду, Цезарь?

НЕРОН: Свою смерть.

ФАОН: Вы испугались моих ребятишек?

НЕРОН: Я совершенно спокоен. Ни один мускул на моем лице не дрогнет... Не дрожит, взгляни?

ФАОН: Нет.

НЕРОН: Прекрасно. (Молодым людям.)

Я ещё не готов... Но ждать вам недолго.

ФАОН: Они не причинят вам вреда.

НЕРОН: Это хорошо. (Пауза.) Что же ты не пригласишь сыновей к столу? Молодые люди обычно любят поесть.

ФАОН: По ночам. Только по ночам.

НЕРОН: Вот как?

ФАОН: Да... Охота. Дичь. Сырое мясо.

Охотники. Волки. Сырое мясо. Кровь, опять же. И прочее, и прочее.

НЕРОН: Вот как?

ФАОН: Да.

Пауза.

НЕРОН (молодым людям): Хороши были бы бифштексы с кровью, не правда ли, молодые люди? (Пауза.) Может быть, угостить их шоколадом?

ФАОН: У них сахарный диабет. Во всяком случае, у них зуд. Вы не знаете, Цезарь, зуд характерен для сахарного диабета?

НЕРОН: Характерен.

ФАОН: Так я и знал.

НЕРОН: Что же им предложить? Что им интересно?

ФАОН: Разное.

НЕРОН: Что разное?

ФАОН: Как накрывают на стол, роняют посуду, это им смешно... Как передают друг другу блюдо, а блюдо возьми да и выскользни... Как пьют вино, пьянеют и плюются. Другое разное, к примеру, простите великодушно, отрыжка.

НЕРОН: Что?

ФАОН: Отрыжка, дрожь, рвота, всевозможная физиология, одним словом... Это юношеское... Юность.

Пауза.

НЕРОН (молодым людям): С нами девица... Терция... До неприличия хороша собой... В неглиже. Только чулки и перья. Выпила вина. Теперь спит... Уснула... Девица.

ФАОН: Девицей их не удивишь. Кого в наше время удивишь девицей? Они девиц видели.

НЕРОН: Что же им предложить? Что им интересно?

ФАОН: Им интересно на живого императора посмотреть.

Пауза.

НЕРОН: Ни один мускул не дрогнет.

ФАОН: Не мудрено. Вы – величайший актёр. Михаил Чехов, в сравнении с вами...

НЕРОН: Ты уже говорил. Они знают, кто такой Михаил Чехов?

ФАОН: Нет.

НЕРОН: Вот как?

ФАОН: Откуда, Цезарь? Вам нечего бояться, Цезарь.

Пауза.

НЕРОН (закрывает глаза): Какая-то невиданная безмятежность.

ФАОН: Осмелюсь заметить, человек всегда спокоен, когда вот так отчётливо видит своё будущее. Как говорится, в непосредственной близости.

Один юноша отделяется от толпы, подходит к Фаону и целует его.

ФАОН: Спасибо, Алёша.

Юноша возвращается на своё место.

НЕРОН: Славный.

ФАОН: Это Алёша.

НЕРОН (открывает глаза): Славный Алёша.

ФАОН: Не стану спорить.

Пауза.

НЕРОН (молодым людям): Терция должна переодеть меня, подготовить... переодеть в чистое... (Фаону.) А где Терция?

ФАОН: Спит.

НЕРОН (молодым людям): Она спит, уснула... Ну, что же, пусть поспит. Нам спешить некуда... Мы никуда не спешим? А что, Фаон, Терция на самом деле спит?

ФАОН: Спор говорит, что спит.

НЕРОН: А на самом деле?

ФАОН: Разные мысли в голову приходят. В том числе и дурные.

НЕРОН: Гони дурные мысли, Фаон. (Пауза. Молодым людям.) Вам, молодые люди, не приходилось видеть, как императоры пьют из лужи?

ФАОН: Они не говорят.

НЕРОН: Почему?

ФАОН: Не знают слов.

НЕРОН: Хорошо. (Пауза.) Хочешь, чтобы я почитал им Гомера?

ФАОН: Не поймут.

НЕРОН: Хорошо. (Спору.) Ну, что же, Спор, мы с молодыми людьми ждём тебя.

СПОР: Я неплохо играю на раковине...

НЕРОН: Ты отвратительно играешь на раковине. Мы ждём.

Спор неохотно подходит к луже, наклоняется и пьёт. Спор отрывается от лужи.

СПОР: Довольно?

НЕРОН (молодым людям): Как вам это нравится? Вот до каких низменностей может дойти император, Нерон, к примеру, всецело предавшись отчаянию и прочим угрызениям... (Пауза.) Вот что, Спор, всё же приведи Терцию.

Спор направляется к машине, возвращается с Терцией на руках. На ней костюм танцовщицы бразильского карнавала с головным убором из перьев страуса. Спор кладёт Терцию в ноги у молодых людей. Молодые люди смеются и уходят.

ФАОН: Трогательные. Не правда ли, Цезарь?

СПОР: Как пингвины.

Пауза.

ФАОН: А что, Цезарь, христиане действительно пьют кровь своих младенцев?

Притчи

Стол накрыт. Нерон, Спор и Фаон приступают к трапезе. Терция спит, время от времени ворочаясь во сне.

НЕРОН: Вот скажи, Фаон, ты умеешь завязывать галстук?

ФАОН: На этот счёт я знаю одну прекрасную притчу, Цезарь. Сидит лисица с петлёй на шее на дереве и делает маникюр. К ней подходит игуана и спрашивает: «Ты, что же, лисица, научилась делать маникюр?» «Нет», — отвечает хитрый зверь и прыгает с дерева прямо на лысину ящерице. (Смеётся.) Нетрудно представить себе реакцию. (Смеётся.) А ведь уже смастерила петлю. (Смеётся.) К вопросу о галстуках. (Смеётся.) Что значит инстинкт! (Мало-помалу успокаивается.) Впрочем, я не расслышал вашего вопроса, Цезарь. Какой-то гул в голове.

Пауза.

НЕРОН: Откуда в Риме игуаны, Спор?

СПОР: Ты же знаешь ответ.

НЕРОН: Ганнибал?

СПОР: Разумеется.

Пауза.

НЕРОН (Спору): Откуда, по-твоему, Спор, они знают притчи?

СПОР: Ты научил.

НЕРОН: Да не учил я их притчам! Я сам их не знаю... Никогда не знал... Не смешно. Не интересно.

СПОР: Почему?

НЕРОН: Не угадываю, не чувствую, не осознаю.

СПОР: Почему?

НЕРОН: Что?

СПОР: Почему так происходит?

НЕРОН: Не задерживаются в памяти. Не знаю. Не чувствую. Почему? Не знаю почему.

СПОР: Но ты задумывался над этим?

НЕРОН: Не было ни повода, ни смысла.

ФАОН: Числа, коромысло.

СПОР: А это, наверное, важно, Нерон. Как думаешь?

НЕРОН: Разве?

СПОР: Ты же хочешь разобраться в том, что происходит?

НЕРОН: Представь себе, нет.

Пауза.

СПОР: Раздражаешься.

НЕРОН: Что?

СПОР: Нервничаешь.

НЕРОН: Ни один мускул не дрогнул, спроси Фаона.

Пауза.

СПОР: Работает мельница.

НЕРОН: Мельница?

СПОР: Мельница, мельница.

НЕРОН: Какая мельница?

СПОР: Та самая, внизу живота.

Пауза.

НЕРОН: Мельница?

СПОР: Я бы так назвал это.

НЕРОН: Почему мельница?

СПОР: (Смеётся.) А что же ещё?

Пауза.

ФАОН: Всё перемалывает, Цезарь. Как говорится, перемелется, мука будет... Как говорится, и это пройдёт.

Пауза.

НЕРОН: Притча?

ФАОН: Притча.

НЕРОН: Вот видишь, я не понял.

СПОР: Знаешь, почему?

НЕРОН: Да не желаю я знать ничего такого. Зачем ты мучаешь меня, Спор?

СПОР: Ну, что же? На нет и суда нет.

Пауза.

ФАОН: Осмелюсь заметить, суд нынче таков, что уж лучше бы его и не было. Без суда, как это не странно, справедливости наблюдается много больше. Осознание этого чрезвычайно опасно, но ввиду того, что граждане Рима исчерпаны и нежны...

СПОР: Нерон исчерпан и нежен... И беспомощен.

НЕРОН: Если хочешь сказать что-то, Спор, скажи.

СПОР: Я сказал.

НЕРОН: Что ты сказал?

СПОР: Работает мельница.

НЕРОН: Это намёк?

СПОР: Не исключено.

НЕРОН: Говори прямо. Руби. Я позволяю. Руби. Я спокойно приму всё, что ты хочешь сказать. Говори. Я совершенно спокоен... Руби. Что тянуть кота за хвост!

СПОР: Я сказал.

НЕРОН: Что ты сказал?

СПОР: Работает мельница.

НЕРОН: Дальше что? Эти притчи убьют меня. Что дальше, Спор?

ФАОН: В минуты испытаний человек часто тянется к животным, сам того не замечая. Теперь — кот. Скольких уже вспомнили мы сегодня?

НЕРОН: Ну, что же ты молчишь, Спор?

СПОР: Обидишься.

НЕРОН: Исключено.

СПОР: Обидишься, испугаешься.

НЕРОН: Ни один мускул не дрогнул, спроси Фаона.

СПОР: Хорошо. Но я предупреждал тебя, Цезарь.

НЕРОН: Предупреждал.

Пауза.

СПОР: Видишь ли, Цезарь, всех граждан можно разделить условно на две категории. На тех, кто рассказывает притчи, и тех, что внемлет им.

НЕРОН: Я, скорее, второе... С некоторыми оговорками.

СПОР: Нет, Нерон, ты не первое и не второе.

НЕРОН: Что же я, в таком случае?

СПОР: Пленник. Персонаж... Не актёр – персонаж. Улавливаешь разницу?

НЕРОН: Чей персонаж?

СПОР: Персонаж притчи. Смысла которой ты понять не хочешь... и не можешь. Бабочка в тенётах... Угорь в банке...

Пауза.

НЕРОН: Всё?

СПОР: Всё.

Пауза.

НЕРОН: Что из этого следует? На что должен я обидеться?

СПОР: Ты не принадлежишь себе, Цезарь. Нет Нерона. Понимаешь? Нет, и не было никогда!

ФАОН: В сердцах! Это он в сердцах! Он любит вас Цезарь, хотя и не достоин такой любви...

НЕРОН (улыбается): Не перестаю удивляться тебе, Спор. С видом мудрого мудреца ты сообщаяешь мне банальность, если не сказать вопиющую банальность... Ты прав. Я всегда был другим. Совсем другим... Возможно, я не человек. Что-то другое, хотя внешнее сходство поразительно. Но этого быть не может. Следовательно, меня нет... Об этом знают все, Спор... Увы, ты оказался глупее, чем я думал, Спор.

ФАОН: Цезарь возвращается! Слава Цезарю!

Пауза.

НЕРОН (Спору): Поддай, пожалуйста, мне пальчики.

Спор недвижим, на глазах слёзы.

СПОР: Вот и к пальчикам ты их приучил.

ФАОН (протягивает Нерону блюдо): А я не люблю пальчики. Они кажутся мне слишком острыми и скользкими.

СПОР: До тебя в Риме и подумать не могли о том, что пальчики...

НЕРОН (взрывается) Довольно! Всё это было до меня! Было, было!..

ФАОН: Было, было, было, было... Эхо... Что, Цезарь, ловко я изобразил эхо?

СПОР (Нерону): Без смака.

НЕРОН: Что?

СПОР: Не так сочно. При тебе они вошли во вкус.

НЕРОН: Ну, может быть... может быть ты и прав. Я как-то не задумывался над этим. Может быть, ты и прав... И хватит об этом. Фаон, поддай ушки.

Спор подает Нерону блюдо.

ФАОН: А я не люблю ушки. Они кажутся мне горькими...

СПОР: Оставь свое мнение при себе, Фаон!

ФАОН: Между прочим, глас народа...

СПОР: Помолчи!

Пауза.

ФАОН: Любовь, Спор...

СПОР: Заткнись!

Долгая пауза.

ФАОН: Какой-то гул в голове. Вы не наблюдаете гула в голове. Цезарь?

Пауза.

НЕРОН: Они же сами просили этого, Спор, разве не так?

ФАОН: Осмелюсь заметить, мы всегда что-нибудь просим. Наша плоть всегда чего-нибудь просит.

СПОР: Их плоть дремала, а ты разбудил её, Цезарь.

Пауза.

НЕРОН: Так думают все?

ФАОН: Далеко не все, далеко...

НЕРОН: Так думают все, Спор? Только говори правду – я знаю, что ты насмешник и... насмешник.

СПОР: Большинство.

Пауза.

НЕРОН: Ненавидят меня?

ФАОН: К чему вспоминать, домысливать?.. Разбудил, пробудил, побудил... разбудил, разбередил, раззадорил... простите, Цезарь.

НЕРОН: Продолжай.

ФАОН: Зачем, Цезарь?

НЕРОН: Продолжай.

ФАОН: Я бы сказал так. Осмеял, но выучил.

СПОР: Упростил и распустил.

ФАОН: Окропил, но высушил. Оскопил, но вылечил. Унизил, но возвеличил. Одновременно.

СПОР: Разрушил и воспарил.

Долгая пауза.

НЕРОН: Теперь всё это не имеет никакого значения... Поддай, пожалуйста, голову, Спор.

Спор протягивает Нерону накрытое салфеткой блюдо.

ФАОН (отвернувшись): Еда, еда... четырежды кутерьма, набить твою плоть... четырежды тать, плоть его знать, стать, перестать... блох твоих ох... тать,ещё тать, плоть, плоть, плоть через плоть...

НЕРОН: Почему ты отвернулся, Фаон?

ФАОН: Никак не могу привыкнуть к головам.

Нерон осторожно снимает салфетку. Под салфеткой – аквариум с угрями. Все, за исключением Нерона, смеются, аплодируют.

НЕРОН (грустно): Смешно.

Пауза.

СПОР (Нерону): Что касается...

НЕРОН: Довольно! Спор! Довольно! Я устал, мне нынче грустно... Казалось, что встречу этот день с улыбкой. Как всегда. Ты же знаешь меня, я умею держать себя в руках. Не тут то было. Грустно... Очень и очень грустно, Спор... А грусть – это недруг, согласишься.

ФАОН (с восхищением): Настоящий поэт! Кто, кроме поэта, скажет «недруг»? Скажут – чушь, бред, дерьмо. В крайнем случае «дерьмо собачье». А здесь – «недруг»! Ах, как хотел бы я стать поэтом! Скажите, Цезарь, этому можно научиться?

НЕРОН: Не знаю.

ФАОН: Я подозревал... Жаль. (Пауза.) Темнеет. Нужно бы поторопиться. В темноте мы заблудимся и никогда не доберёмся до моего дворца. Мало того, простудимся и подхватим потешные болезни.

СПОР: Потешные болезни подхватывают по другой причине.

ФАОН: Не скажи. У меня на этот счёт своё мнение... Мы рождаемся с ними. Они передаются нам от многогрешных наших родителей, тем, в свою очередь, от прародителей и так дальше. Так что болезни эти, скорее печальные, нежели потешные всегда с нами. Когда же мы переохлаждаемся, или неумеренно употребляем вино...

СПОР: Какую чушь ты несёшь, Фаон!

ФАОН: Я беседую с императором, если тебе невдомёк.

НЕРОН: То что ты сейчас произнёс, – притча, Фаон?

ФАОН: В известной степени.

Брюмер

Нерон, Спор и Фаон, уже во хмелю, продолжают трапезу.

НЕРОН: Нужен хор, друзья мои! Без хора всякая трапеза, равно как и всякое представление безжизненно и пресно!

ФАОН: А мои мальчишки поют. Пение довольно странное, больше напоминает мычание или вой, прошу прощения. Однако если перетерпеть минут пять, выстраивается этакая мелодия...

НЕРОН: Я бы спел с ними, пожалуй.

ФАОН: Да что вы?

НЕРОН: А что?

ФАОН: Вы, Цезарь, нисколько не бережёте себя!

НЕРОН: Я, Фаон, в сущности, молодой человек...

ФАОН: Это так, вне сомнений, Цезарь, но теперь – после чудовищных событий, наитий, перипетий?... Нет, нет, только исключительный покой и уединение. В тиши, с учениками. Ученики – вот то, что нужно. При пении цикад пить молодую кровь иль с молодой вакханкою в беседке... Нет, никаких вакханок. Строго. Серьёзно. Ученики.

НЕРОН: Ученики есть, Фаон.

СПОР: Кто? Прыщавый Лаврентий да горбатый Феликс?

НЕРОН: Я бы сказал, весь Рим. Отныне – на века.

СПОР: Какова же их благодарность? Какова благодарность учеников твоих, спрашиваю я? Чрезвычайно актуальный вопрос, не находишь? Не они ли теперь точат ножи на своего учителя?

Долгая пауза.

ФАОН (с благоговением): Задумался... Поэт! Завидую вам белой завистью, Цезарь.

СПОР: Какова их благодарность, Цезарь?

Пауза.

НЕРОН: Лисица эта теперь из головы не выходит.

ФАОН: Вам понравилась моя притча?

НЕРОН: Может быть, всё дело в осени? Что нынче? сентябрь, октябрь?

ФАОН: Брюмер.

НЕРОН: Месяц туманов. Да, да, да. Во всём виновата осень... Ты как думаешь, Спор? Ты о чём-то спрашивал меня несколько раз?

СПОР (Нерону): Я рассуждал о благодарности твоих учеников.

НЕРОН: Благодарность. Да... Месяц туманов. Да... Смерти я не боюсь по определению. Про лисиц сам знаю множество историй. И представлял лисицу не раз. И в винограде, и в любовном томлении... Определённо причина грусти – брюмер... Я, кажется, немного задумался, Спор.

СПОР: А я отвечу.

НЕРОН: Кому?

СПОР: Себе самому. (С наигранным пафосом.) Вот она благодарность! Здесь и сейчас!.. Налицо и на лицах!.. Наречием её кратким словом «страстотомученичество»! В благодарность Цезарь обречен на страстотомученичество, терзания нечеловеческие. Кто?! – спрашиваю я себя. И я же отвечаю. Нерон. Доброхот и либерал! Что делает? Страдает! За что? За жертвенность и щедрость!

Пауза.

ФАОН: Вот не может быть, Спор, чтобы погорельцы не являлись тебе. Ты скрываешь. Признайся.

НЕРОН: Как же я скучаю без хора! Здесь непременно нужен хор. Усилить, непременно усилить твои слова, Спор, понимаешь? Всё должно быть ярче. Дождь, согбенный Фаон, беседа о лисице, эти твои слова. Здесь непременно нужен хор!

СПОР (про себя): Наступит ночь и хор вернётся.

НЕРОН: Что?

СПОР (громко): Я не раз предупреждал тебя, Цезарь, будь осторожнее, когда кормишь людей. Они ненасытны.

НЕРОН: Я немного отвлекся. Что ты говоришь?

СПОР: Какова их благодарность? – вопрошаю я. Речь о твоих возлюбленных учениках. Чрезвычайно актуальный вопрос, не находишь? Я рассуждаю о благодарности. Какова же благодарность на поверку? возмущаюсь я... Кто? Доброхот и либерал. Речь о тебе, Цезарь. Что делает? Терпит муки в результате. За что?.. За жертвенность и щедрость. Результат именно таков. Сам видишь, Цезарь... Дальше я вспоминаю, что давно ещё, в прежние более спокойные и уж никак не предвещавшие беды времена, я предупреждал тебя, будь осторожнее, когда кормишь людей. Они ненасытны, эти люди.

Пауза.

НЕРОН: Да, да, да... И эти и те, да, да, да. Они были такими и до меня. Они были такими всегда.

СПОР: Согласен. Но ты должен был задуматься над моими словами, прежде чем...

НЕРОН: Сколько помню, у них только и разговоры, что об еде, да о любви, да об еде... Значительно реже о войне... О войне много реже.

СПОР: Прежде чем разрешать им...

НЕРОН: Не поверишь, даже и на самой войне. Казалось бы, о чём можно говорить на войне, кроме собственно войны? Когда война и справа и слева, и в воздухе и позади, а впереди только враг. О чём можно говорить? Выясняется, о любви, да о том, как бы поскорее набить утробу.

Пауза.

СПОР: Прежде...

НЕРОН: Уж, казалось бы, война, страсть, вдохновение и всё такое? Какой аппетит, когда конечности, куда не повороти взор? Ан, нет.

Пауза.

СПОР: Хочется донести до тебя одну мысль.

НЕРОН: Знамёна, вымпелы, кони, боевые слоны, почему-то посуда, ну и конечности, разумеется. Верхние конечности, нижние конечности, головы... Всё, естественным образом, в крови и в грязи... Страсть... Неубранные арбузы. Арбузы и головы. Головы и арбузы. Арбузы и головы...Ещё стенают. И плотный, точно из ключев мешковины, пар – дело к зиме...

Пауза.

СПОР: Хочется поделиться с тобой одним изображением.

НЕРОН: Изволь.

СПОР: Прежде чем либеральничать...

НЕРОН: И вот уже через каких-нибудь полчаса, самое большее час... (Смеётся.) Выпьют вина, покушают, как следует, и ну любить друг друга... Иногда вновь побьются немножко. Немножко. На показ... Проголодаются, снова им кушать подавай. Покушают, и ну играть. Резвятся прямо как лисички. Вот опять лисички, Фаон!

ФАОН: Мне тоже очень нравится эта история. Всегда, Цезарь, уместна. Как говорится, на все случаи жизни.

НЕРОН: А ты любишь лисичек, Спор? Лисичек... Что ты так смотришь на меня? По-моему в них нет ничего предосудительного. Во всяком случае, прежде мне так казалось. Шёрстка, глазки блестят, язычки розовые...

СПОР: Цезарь!

НЕРОН: Да?

СПОР: Прошу тебя...

НЕРОН: Слушаю.

СПОР: Хотя бы теперь, когда смерть близка...

НЕРОН: (отмахивается от Спора):ещё в детстве, как сейчас помню, приходят... Женщины, мужчины. С такими же, что и ваш покорный слуга детьми приходят, и с теми, что постарше и совсем маленькими. Кушать, говорят, очень хочется. Поиграть, страсть, как хочется в разные взрослые игры, но прежде что-нибудь покушать. Заметь, в первую очередь покушать... Что угодно, лучше всего, конечно, хлеба, но если у вас, у нас то есть, остались только эклеры, можно и эклеры.

Так уж закончились эклеры... Может быть, заливного? Так нет и заливного... И ни одной куропаточки? Ни рябчика, ни куропаточки... Где же они? Улетели. Ну, что сказать, когда вопрос таким образом представлен? Что же делать? Заметь, хлеб уже и не упоминают.

Раки. Пусть будут раки. Простая полезная пища. Хорошо. Очень хорошо... Отчего же не сходить да и не наловить? Вот вопрос. Уж раков-то в реке всегда в достатке. А рыба? Кладёшь фосфора? Рыбу тоже можно изловить. Да только её приготовить надобно. На это время требуется.

А дети голосят, заходятся. Детей – во множестве. Очень, очень плодовиты. Чего удивляться, когда такие игры с утра до ночи, с утра до ночи. Юг! Италия! Солнце! Кровь кипит!

Но, я о детях. Иные так наголодались, что вот-вот, не ровен час, преставятся. Им прямо теперь, сию секунду надобно... Ладно. Сошлись на козьем молоке. Это – вполне, и это – немедленно. Козы – удивительные животные, удивительные. В особенности их глаза. Ты любишь коз, Спор? Что за глаза! Отвлёкся... Ну, что же? Попили молока. Хорошо. Очень хорошо. Плач понемногу затихает.

Терция пробуждается, пошатываясь, подходит к столу, с жадностью пьёт и закусывает.

СПОР: Сколько тебе было лет?

НЕРОН: Что?

СПОР: Сколько тебе было лет?

Пауза.

НЕРОН: И всё это – жизнь, Спор. Всё – жизнь... При чём же здесь я? Разрешил то, что не требует ничего позволения? Смешно.

СПОР: Сколько тебе было в ту пору?

НЕРОН: Помню себя месяцев с трёх... В шесть месяцев я уже декламировал Гомера.

СПОР: И тебе не было страшно?

НЕРОН: Что страшного в Гомере? Разве только сам он. Судя по изображениям, он был удивительно нехорош собой. Но можно ли верить изображениям?.. Даже если это так, Спор. Это – Гомер, не забывай. Гомер! Кто лучше Гомера есть?

Пауза.

СПОР: Кричали?

НЕРОН: Кто?

СПОР: Женщины, мужчины.

Пауза.

НЕРОН: Когда?

СПОР: Когда играли.

НЕРОН: Обязательно. Это же не тихие игры. Ты думал, речь идёт о тихих играх? Нет... Ты не знаешь что такое тихие игры, Спор? Где ты вырос? Ты что, с Крита? Или с Марса? Нет?.. Объясняю. Тихие игры это – пяточки, мышки, нырки, завлекалки, угол. Для тех, что постарше – душная, анонимная переписка или мешок. Мешок и утопленник – совсем тихие игры. Я их не люблю, откровенно говоря. В них нет ни света, ни воздуха.

Пауза.

СПОР: Им было больно.

НЕРОН: Кому?

СПОР: Всем им.

Пауза.

НЕРОН: Откуда ты знаешь?

СПОР: Со мной играли так.

НЕРОН: И что?

СПОР: Это очень больно.

ТЕРЦИЯ: Очень больно.

Пауза.

НЕРОН: Не знаю. Не исключено. Очень может быть. И что? И мне бывало больно. Мне и теперь больно. И что, это плохо? К чему ты клонишь? А что такое боль, Спор? Или ты не знаешь, что боль может обернуться сладостью? В отдельных случаях и даже нередко. (Пауза.) Вообще, что тебе нужно от меня? Чего ты хочешь, Спор? Кто ты? Судья? Где твоя мантия в таком случае? Где твой молоточек? Дай мне полюбоваться твоим молоточком... А может быть, ты истица? Где твои слёзки, истица?.. Откуда ты такой взялся? Откуда ты пришёл? С Крита, из Галии, а, может быть, с Марса? А может быть, с фермы? Лишённый девственности ягнёнок по имени Спор... Ягнёнок или судья? Кто? Судья или ягнёнок? Или прокурор Вышинский?!

Терция смеётся и хлопает в ладоши.

ФАОН: Обожаю!

Пауза.

НЕРОН: Спор, ты забываешь, я родился актёром. У актёров душа подвижная. Актёру всё – игра, всё – музыка... Ты же сам озорник, да ещё какой! К чему ты затеял этот вялотекущий слабосолёный мелкозернистый разговор?

СПОР: Хочется понять.

НЕРОН: Что тебе нужно понять?

СПОР: Как случилось.

НЕРОН: Что?

СПОР: То, что случилось.

Пауза.

НЕРОН: Понял?

СПОР: Нет.

НЕРОН: Почему?

СПОР: Ты не слышишь меня. Не хочешь слышать.

НЕРОН: Комедия.

СПОР: Да нет, трагедия. Трагедия, брат, получается.

НЕРОН: Уверен?

СПОР: Абсолютно.

НЕРОН: А я как раз трагический актёр. Во всяком случае считаю себя трагическим актёром...

Пауза.

СПОР: Счастливого избавления в конце не предвидится. Цезарь.

НЕРОН: Уверен?

СПОР: Абсолютно.

Пауза.

НЕРОН: Но, может быть...

СПОР: Нет.

Долгая пауза. Терция подходит к Нерону, садится рядом, кладёт его голову себе на колени, гладит.

ТЕРЦИЯ: Я вот вам расскажу, Божественный, какая у нас будет тихая и покойная жизнь... Я куплю вам берет, буду укрывать ноги пледом. Вечерами будем смотреть снег. Снег, снег. Сибирь – это ослепительный, пахнувший хвоей снежный океан, Божественный. Холодно... Но вам холод нипочём. Ваши ноги укутаны красным клетчатым пледом. Ноги должны быть в тепле. Ноги обязательно должны быть в тепле. Разве вы не знаете, что все беды начинаются с холодных ног? Затопим печь. Будем слушать, как потрескивают поленья. Вы любите, Божественный, слушать треск поленьев?

НЕРОН: Я никогда не слышал треска поленьев.

ТЕРЦИЯ: Это как цикады. Очень похоже на цикад.

Пауза.

НЕРОН: Ты умеешь петь?

ТЕРЦИЯ: И петь, и танцевать. И шествовать.

НЕРОН: Шествовать.

ФАОН: Подразумеваются карнавальные шествия.

НЕРОН: Карнаральные?

ТЕРЦИЯ: Карнаральные шествия.

НЕРОН: Только не шествия, прошу тебя!

ТЕРЦИЯ: Хорошо, хорошо.

НЕРОН: Никаких шествий!

ТЕРЦИЯ: Хорошо.

Нерон вновь кладёт голову на колени

Терции.

НЕРОН: Я так устал от шествий!

ТЕРЦИЯ (гладит Нерона): Устал, бедненький. Очень устал.

НЕРОН: Но тебе хочется шествовать?

ТЕРЦИЯ: Нисколько.

НЕРОН (вскакивает): Тебе хочется шествовать!

ТЕРЦИЯ: Нет.

НЕРОН: Хочется, я знаю!

ТЕРЦИЯ: Да нет же!

НЕРОН: Все. Все буквально врут мне. Почему? Разве я требую этого?

Нерон ложится на спину.

ТЕРЦИЯ: Ты простудишься, Божественный.

НЕРОН (видит дирижабль): Что это?

ТЕРЦИЯ: Где?

НЕРОН: Там, в облаках.

ТЕРЦИЯ (поднимает голову): Большая небесная рыба, наверное.

ФАОН: Это дирижабль, Цезарь.

НЕРОН: Дирижабль?

ФАОН: Если не галлюцинация.

НЕРОН: Нет, это не галлюцинация.

ФАОН: Одному Янусу доподлинно известно, что галлюцинация, а что – нет.

НЕРОН: Это не галлюцинация.

ФАОН: Вам виднее. Вы с Янусом, насколько мне известно, на короткой ноге. Скажите, Цезарь, вы с Янусом на короткой ноге? Только Янусу доподлинно известно... Впрочем, не исключено, что и Юпитер знает. Безусловно, Юпитер должен знать...

НЕРОН: Это не галлюцинация!

ФАОН: Нет?

НЕРОН: Нет.

ФАОН: В таком случае – дирижабль.

Пауза.

НЕРОН: Красавец!.. Интересно, что у него внутри?

ФАОН: Пустота, осмелюсь доложить.

НЕРОН: Нет.

ФАОН: Нет?

НЕРОН: Нет.

Пауза.

ФАОН: Что же там, Цезарь?

НЕРОН: Рим.

ФАОН: Внутри?

НЕРОН: Да.

ФАОН: А почему Рим?

НЕРОН: Рим.

Пауза.

ФАОН: Ах, в этом смысле? В том моём смысле? В том смысле, что пустота? Пустыня?

НЕРОН: Почему пустыня?

ФАОН: Ну как же? Что такое теперь Рим?

НЕРОН: Хочешь напомнить мне о том, что Рим сторел?

ФАОН: Нет, нет, другое, совсем другое. Я хочу сказать, что Рима никогда не было. Рим – чья-то придумка. Притом, не самая лучшая, Цезарь, придумка.

НЕРОН: Может быть, ты и прав. В этих твоих словах есть толика смысла.

ФАОН: Благодарю, Цезарь! Жаль, что мои волчата, я называю своих детей волчатами...

Пауза.

НЕРОН: Чего они ждут, Фаон? Почему не нападают?

ФАОН: Кто?

НЕРОН: Лётчики. Бомбометатели и стрелки. Они хотят насладиться моим страхом? Но ты же видишь, Фаон, что страха во мне нет. И быть не может. Зачем ты увязалась за нами, Терция?

ТЕРЦИЯ: Обожаю путешествия.

НЕРОН: Я хотел отдать тебя молодым волкам, Терция.

ТЕРЦИЯ: Зачем?

НЕРОН: Представления не имею.

ФАОН (Терции): Цезарь репетирует.

НЕРОН: Цезарь не репетирует.

ФАОН (Терции): Приходили мои дети. Я про себя не без иронии называю их молодыми волками. Они немного странные, но славные... Даже если бы шальная мысль пробралась в светлую голову Цезаря, она тотчас превратилась бы в шутку, не более, не более того... Ты же знаешь, Цезарь – большой весельчак. Цезарь отлично знает – волчатам не нужна Терция. Цезарь пошутил.

НЕРОН: Цезарю теперь не до шуток. Цезарь всерьёз хотел отдать Терцию молодым волкам на съедение. Ты слышишь меня, Терция?

ТЕРЦИЯ: Слышу.

Пауза.

НЕРОН: Что скажешь?

ТЕРЦИЯ: Женщины никогда не торопятся с выводами, Божественный. Настоящая женщина сначала взвесит все за и против, вдоль и поперёк, построит план сожаления и утешения, рассмотрит путь отступления, а уже затем пожурит или похвалит.

Пауза.

НЕРОН: Я так устал... Хочется вымыться, смыть всё с себя, всю эту грязь, грязь... Спор!

Спор неохотно направляется к ванне, вываливает её край себе на плечи и по-черепаши медленно движется к авансцене. Фаон поднимается, берёт за ноги Нерона и возобновляет шествие по кругу.

ТЕРЦИЯ: Куда ты, Божественный?

СПОР (на время останавливается, смеётся): Знаешь, на кого ты теперь похож,

Цезарь? На куклу. На тряпичную куклу. (Возобновляет движение.)

НЕРОН: Что ты делаешь, Фаон?

ФАОН: Потерпите Цезарь, скоро придём.

НЕРОН: Куда?

ФАОН: По моим расчётам недолго осталось.

НЕРОН: Куда придём, Фаон? (Спору.) Куда он влечит меня?

СПОР (смеётся): Ходит по кругу.

НЕРОН: По кругу?

СПОР (смеётся): Да.

НЕРОН: Всё это время ходил по кругу?

СПОР (смеётся): По кругу.

НЕРОН: Это бессмысленно?

СПОР (смеётся): Что?

НЕРОН: Хождение по кругу.

СПОР (смеётся до слёз): Просто беда.

Пауза.

НЕРОН (громко): Фаон, ты ходишь по кругу! Ты знаешь, что ходишь по кругу, Фаон?! Фаон не слышит. Спор освобождается от ванны, заходится от смеха.

НЕРОН: Спор, ты бы остановил его, что ли!

СПОР: Думаешь, это так просто?

НЕРОН: Просто, не просто, останови его, Спор.

СПОР (громко Фаону): Эй, Фаон! (Нерону.) Не слышит. Точнее, не желает слышать. Вольноотпущенный... Вольница, это, брат, тоже беда. Сдвинулся с мёртвой точки – прощайте горы золотые. Попробуй его теперь удержать. (Смеётся.) Если дело и дальше так пойдет, неровен час императором станет.

НЕРОН: Не богохульствуй!

СПОР: И до крейсера доберётся и пальнёт.

НЕРОН: До какого крейсера?

СПОР: Неважно.

НЕРОН: Последнее время я с трудом понимаю тебя, Спор. С тобой что-то происходит, а что именно, не пойму. Замёрз? Выпей ещё вина.

СПОР: У тебя шнурок развязался, Божественный.

НЕРОН: Где?

Нерон пытается наклониться к ногам, но не удерживает голову на весу и ударяется затылком. Спор и Терция смеются.

НЕРОН: Над чем, над кем вы смеётесь?

СПОР: Не знаю, прости, Цезарь.

Пауза.

НЕРОН: Я ударился.

СПОР (борется со смехом): Прости.

Пауза.

НЕРОН: Ударился по твоей вине.

Смех.

НЕРОН: Это очень смешно?

СПОР (смеётся): Прости.

Пауза.

ФАОН: Я скажу так: «Чёрт бы побрал эту дорогу!» Тычки да кочки! Ни тени совершенства!

СПОР: Ничего не поделать. Брюмер.

Фаон останавливается, отпускает Нерона. Нерон плачет. Вновь занимается дождь.

Действие второе

Сумерки. По земле струится гул. С неба доносится довольно однообразная фортепианная музыка, наподобие той, что некогда транслировалась по радио для любителей утренней гимнастики.

Лёгкая музыка

Нерон в ванне. Следит за полётом дирижабля. Терция моет его мыльной ветошью. Фаон, подбрасывая бумаги и обломки стульев в костёр, греет воду в чугунном чане. Время от времени он, обжигаясь, снимает его с огня, подходит к ванне и подливает кипятка.

Спор заново накрывает стол, устанавливает подсвечники, зажигает свечи. Нерон возвращается с небес и наблюдает за хлопотами Споры.

НЕРОН: Ты очень изменился, Спор. Ещё недавно был очаровательным златокудрым юношей. А сколько в тебе было непосредственности, незащитности, любви! Любил всех. Даже отвратительного брызжащего скопидома Сенеку. Что вводило его в полное замешательство. Теперь ты другой. Скучный и некрасивый. Постарел, погрузнел, налился желчью. Лысешь... Очень грустно, Спор.

СПОР: Время неумолимо.

НЕРОН: Нет, нет, время здесь ни при чём. Всё зависит от самого человека.

СПОР: Не знаю.

НЕРОН: Взгляни на меня. Ты заметил, что я молодею? А почему? Я живу пением, игрой на кифаре, поэзией, конными и бальными танцами, садоводством и гербариями, космогонией и космонавтикой. Я бесконечно люблю жизнь...

Мне интересен дирижабль. Я люблюсь им. Дирижабль вызывает у меня удивление и восхищение. Вот я теперь думаю, что никогда в жизни не наблюдал столь возвышенного и таинственного зрелища. Пожалуй, в эти минуты я нежен и счастлив как никогда... А тебе всё равно. Кажется, развернись теперь небо и явись оттуда лошадиная морда, ты и глазом не моргнёшь.

СПОР: Почему же? Лошадиная морда – должно быть, любопытное зрелище.

НЕРОН: Чем же лошадиная морда привлекательнее дирижабля?

СПОР: Функциональнее. Лошадиная морда предполагает присутствие самой

лошади. А лошадь, в час отчаяния и бегства, нам явно не помешала бы.

НЕРОН: Шутишь?

СПОР: Шучу. И вполне безобидно.

НЕРОН: Ты слышишь эту обворожительную, изящную, воздушную музыку, Спор?

СПОР: Я не люблю воровжу.

НЕРОН: Вслушайся. Восторженная, изысканная... лёгкая... располагает к любви. Когда является такое чудо, хочется жить... Можешь ты исполнить нечто подобное на своей раковине?

СПОР: Нет.

НЕРОН: Почему?

СПОР: Я не умею играть на раковине.

НЕРОН: А если бы ты умел играть на раковине, смог ты исполнить что-нибудь этакое?

СПОР: Нет.

НЕРОН: Очень грустно, Спор, очень.

СПОР: Не до веселья, Цезарь.

ФАОН: Смеркается. Скоро будет совсем темно.

НЕРОН: Фаон. Вот с кем мне хорошо и просто. Скажи, Фаон, ты слышишь музыку?

ФАОН: Всегда... Ещё голоса и гул. Иногда бывает так, что в одном ухе голоса, а в другом – гул, а иногда...

НЕРОН: Достаточно.

ФАОН: Что вы говорите?

НЕРОН (громко): Сочувствую твоему несчастью.

ФАОН: Не могу с уверенностью констатировать, что это несчастье. С одной стороны, конечно, шумно, но если посмотреть иначе – я, Цезарь, с некоторых пор не бываю один. Видите ли, когда дети вырастают, одиночество становится большой проблемой... Хотелось бы знать, что вы об этом думаете, Цезарь.

НЕРОН: Ничего.

ФАОН: мудро.

Пауза.

НЕРОН: Интересно, откуда льётся эта обворожительная, изящная, воздушная музыка?

СПОР: С дирижабля.

НЕРОН: С дирижабля! Да, да, конечно, с дирижабля. Безусловно, однозначно, непременно с дирижабля. Ах, какая гармония! Прелестно! Дирижабль и музыка... Интересно, что там теперь происходит?

СПОР: Где?

НЕРОН: На дирижабле.

СПОР: Известно что. Пьют вино.

НЕРОН: Ты полагаешь?

СПОР: Чем же ещё можно заниматься на дирижабле? Пьют, в точности так же, что мы здесь, в отличие от летунов, не брезгуя неповоротливой несчастной землёй нашей.

НЕРОН: Стоило ли возноситься к звёздам, чтобы там, в высших сферах,

продолжать убивать в себе удивление... Этого не может быть. Не верю. В тебе говорит зависть и... зависть.

СПОР: Увы, при всей нашей крайней заинтересованности во всевозможном и всяческом волшебстве, при всём обожании тайн и благоговении перед чудесами, действительность такова: в облаках тоже страдают по утрам.

Пауза.

НЕРОН: Что подразумевает твоя притча?

СПОР: А то, что там, Цезарь, нас с тобой не ждёт ничего нового. За исключением, может быть, лошадиной морды. Но, если быть до конца честным, Божественный, лошадиную морду при желании можно встретить и здесь.

НЕРОН: Говоришь с такой уверенностью, точно был там.

СПОР (тоном заговорщика): Хуже. Я чувствую. А ты знаешь, интуиция никогда меня не подводила.

Пауза.

НЕРОН: Почему ты не даёшь мне возрадоваться и отдохнуть, отдохнуть и возрадоваться? Хотя бы перед смертью! Перед смертью! Неужели я не заслужил толику радости? Твои огни погасли, Спор. Вот и в звуках, что ты извлекаешь из своей раковины, всё сумрачно. Раздумья, смерть и... смерть.

СПОР: Ты назвал главные составляющие жизни.

НЕРОН: А как же покой и радость?

СПОР: А вот покой и радость – как раз лакомство мёртвых.

НЕРОН: Вот я и хочу узнать, какие сладости ждут меня в обозримом будущем. (Пауза.) Запрещаю тебе играть на раковине.

СПОР: Как скажешь. Мне и самому, признаться, наскучило.

НЕРОН: Прекрати огрызаться! Я ещё не умер! Я всё ещё Тиберий Клавдий Нерон! Ты слышишь, Спор?

СПОР: Спора нет.

Пауза.

НЕРОН: И не умру.

СПОР: На всё твоя воля, Тиберий Клавдий Нерон.

Пауза.

НЕРОН: А на самом деле?

СПОР: Что?

НЕРОН: Я умру?

СПОР: Не знаю.

Пауза.

НЕРОН: Что же твоя хваленая интуиция?

СПОР: На сей раз молчит.

Долгая пауза.

НЕРОН: Хочется смеяться, смеяться, смеяться. Я так давно не смеялся, Спор... Это губительно для меня, Спор! Губительно, губительно, губительно! Ты губишь меня своей чёрствостью, Спор!

СПОР: Прости, Божественный, я не хотел тебя расстроить.

НЕРОН: Расстроить?! Ты состарил и раздавил меня!

СПОР: Прости.

Пауза.

НЕРОН: Как ты думаешь, я молод?

СПОР: Я бы дал лет двенадцать, не больше.

НЕРОН: Не можешь удержаться от острот?

СПОР: Прости. Тошнит что-то.

Пауза.

НЕРОН (громко): Я молод, Фаон?

ФАОН: Вопрос вопросов. Молодость непредсказуема, Цезарь. Эта субстанция живёт сама по себе. Приходит и уходит. Приходит и уходит. Уйдет, а потом возвращается. Уследить решительно невозможно. Я, к примеру, наблюдал за собой. По утрам. Иной раз...

НЕРОН: А молодые люди должны смеяться! Постоянно! Ежеминутно. По поводу и без повода. Даже во сне.

ФАОН: Иное утро...

СПОР: Могу я задать вопрос, Божественный?

НЕРОН: Нет.

СПОР: Воля твоя.

Пауза.

НЕРОН: Спрашивай.

СПОР: Ты не путаешь молодость с идиотией?

НЕРОН: Я ничего не путаю! Никогда ничего не путаю! В три года я уже знал «Илиаду». Наизусть. Меня можно было проверять по страницам. Спроси меня, страница триста шестьдесят пятая, вторая строчка сверху...

СПОР: Страница триста шестьдесят пятая, седьмая строчка сверху.

НЕРОН: Что?

СПОР: Ничего... Тебе нужно успокоиться.

НЕРОН: Я спокоен как никогда! Спокоен как никогда! Как никогда!

Пауза.

ФАОН: Иной раз в зеркале является такая заплывшая жизнью физиономия, что невольно задаёшь себе вопрос – а не подвесил ли какой-нибудь враг тебя вниз головой, случаем?.. Чаем, отвечаем...

НЕРОН: Враг. Вот именно... Знаешь, в чём моя беда, Спор? У меня нет достойного врага. Конкретного человека, которого я мог бы рассмотреть, потрогать, плюнуть и поцеловать. Безликая масса. Спор, мой враг – безликая масса! Больше всего на свете я не люблю серость! Ненавижу! Ненависть. Я полон ненависти. Я сочусь ненавистью... к пустоте! А я должен, просто обязан смеяться, Спор! Ты должен развеселить меня, Спор! Кто, как не ты, утешит и развеселит меня?

Терция. Терция убаюкает, утешит, очистит тебя... Переоденешься, выпьешь вина, вот и станет тебе весело.

НЕРОН: Мне кажется, ты уступаешь меня Терции даже с некоторой радостью, Спор.

СПОР: Я смирился с ролью статиста.

НЕРОН: Да, Терция – моё спасение! Ты прав. Без иронии. В отличие от нас с тобой, она полна любви и жизни, Спор.

СПОР: Спора нет.

НЕРОН (берёт Терцию за руку): Вот с кем мне хорошо и просто... Ты слышишь музыку, Терция?

ТЕРЦИЯ: Да, Божественный.

НЕРОН: Нравится тебе она?

ТЕРЦИЯ: Обожаю!

НЕРОН: Вот!.. А дирижабль в небе занимает тебя, Терция?

ТЕРЦИЯ: Обожаю!

НЕРОН: Вот!

ТЕРЦИЯ: Дирижабль прекрасен, Божественный. (Смеётся.) В нём столько эротики. Кроме того, он блестит и переливается на солнце. Жаль, что он редко прилетает. Была бы моя воля, Божественный, я бы, оставив все свои хлопоты и заботы, только и делала бы, что любовалась им.

НЕРОН: Много у тебя забот?

ТЕРЦИЯ: О, да. Я – большая труженица, Цезарь. Вышиваю и пришиваю, мариную ушки и пальчики, посещаю курсы малайского и турецкого языка, исполняю танцы живота и ягодиц, осваиваю клавиш и педикюр, кормлю крокодилов и кроликов, фотографируюсь для карт и глянцевого журналов, рисую на спине и на траве, играю на флейте и стаканах, увлекаюсь верховой и подбрюшной ездой, клею и стригу конверты, потягиваюсь и сворачиваюсь клубочком, разворачиваюсь и заворачиваюсь в простыни, болтаю ногами и качаю головой, вновь разворачиваюсь и снова сворачиваюсь, разворачиваюсь и заворачиваюсь, разворачиваюсь и сворачиваюсь...

НЕРОН: Мы так похожи, милая Терция.

СПОР (про себя): Воздухоплаватели.

НЕРОН (Спору): Что?!

СПОР: Безусловно, Цезарь.

НЕРОН: Хорошо ли тебе теперь, Терция?

ТЕРЦИЯ: Очень!

НЕРОН: Не страшно тебе с нами?

ТЕРЦИЯ: Ни капельки!

НЕРОН: Наверное, ты по-своему любишь нас?

ТЕРЦИЯ: Безумно!

Пауза.

НЕРОН: А вот скажи, мне чрезвычайно интересно, всю жизнь мучает любопытство, скажи, Терция, что такое любовь? Как вы, именно вы, женщины, чувствуете любовь? Что с вами происходит в этот момент? Что это такое – женская любовь? Ну, что же ты замолчала?

ТЕРЦИЯ: Непростой вопрос, Божественный.

НЕРОН: И всё же.

ТЕРЦИЯ (улыбается): Никогда бы не подумала, что вы можете задать мне такой вопрос.

НЕРОН: Однако же, вот, задал.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Наверное вы почувствовали, что я необычная девушка?

НЕРОН: Необычная девушка?

ТЕРЦИЯ: Необычная... Мне много раз говорили. И маме моей говорили: ваша Терция необычная девушка. Не то что другие... И вы, Божественный, почувствовали это?

НЕРОН (улыбается): Почувствовал.

ТЕРЦИЯ: Уф-ф-ф!

НЕРОН: Что?

ТЕРЦИЯ: Вот это да, Божественный!

НЕРОН: Что?

ТЕРЦИЯ: Вот это вопрос! Так неожиданно.

НЕРОН: Так что же такое женская любовь?

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Трудно объяснить.

НЕРОН: А ты попробайся. Как можешь.

СПОР: Напрасно ты это затеял, Цезарь, честное слово...

НЕРОН (Спору строго): Довольно, Спор! (Терции нежно.) Не слушай его, Терция. Говори... Как умеешь.

ТЕРЦИЯ: Такая ответственность.

НЕРОН: А ты запросто.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Я бы выпила вина. Для храбрости.

НЕРОН: Фаон, принеси Терции вина.

Фаон подносит Терции бокал с вином.

ТЕРЦИЯ (осушив чашу до дна): Я – женщина...

НЕРОН: Продолжай.

ТЕРЦИЯ: Я бы хотела сказать от имени всех женщин.

НЕРОН: Несколько неожиданно...

ТЕРЦИЯ: Кто знает, Божественный, представится ли ещё мне или какой-нибудь другой вашей избраннице такая возможность?

НЕРОН: Я надеюсь, в твоём вопросе не сокрыт намёк?

ТЕРЦИЯ: Скорее, Сократ.

НЕРОН: Сократ? При чём здесь Сократ?

ТЕРЦИЯ (смеётся): В моём вопросе сокрыт Сократ.

ФАОН: Притча, Цезарь.

НЕРОН: Что я, по-твоему, не умею различить притчу, Фаон?!

Пауза.

ТЕРЦИЯ (на глазах слёзы): Справедливый!.. Очень, очень справедливый. Справедливый, дальновидный, важный, чрезвычайно важный... просто до слёз...

НЕРОН (Терции): О чём ты?

ТЕРЦИЯ: О вашем вопросе, Божественный. Вопрос ваш пропитан теплом и заботой, как... как эта ветошь мылом. Вы – наш бог и просто обязаны знать о нас всё.

СПОР (Нерону): Я предупреждал.

НЕРОН: Откровенно говоря, Терция, меня интересуешь только ты.

ТЕРЦИЯ: Вы не смеётесь?

НЕРОН: В каком смысле?

ТЕРЦИЯ: Когда выказываете свой интерес ко мне?

НЕРОН: Рад бы посмеяться, да что-то у меня не очень получается сегодня.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Вы – наш друг.

НЕРОН: Чей?

ТЕРЦИЯ: Женщин. И, с вашего позволения, я скажу от имени всех женщин, Божественный... Согласитесь, я всего лишь одна из нас. Но то, что я скажу от имени всех женщин, в полной мере относится и ко мне. Так вы не будете разочарованы, а мне будет удобнее.

НЕРОН: Хорошо. Говори, как тебе удобнее.

ТЕРЦИЯ (с неожиданным напором): И всё же мы сохранили гордость, Божественный! Несмотря ни на что, гордость нам удалось сохранить!

Спор смеётся.

НЕРОН: Терция, я просил рассказа о любви.

ТЕРЦИЯ: О любви?

НЕРОН: Да.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Немного стесняюсь.

НЕРОН: Ещё вина?

ТЕРЦИЯ: Боюсь, если я ещё выпью, у меня не получится отмыть вас, Божественный.

НЕРОН: Боюсь, это невыполнимая задача при любых условиях.

ТЕРЦИЯ: Плохо вы меня знаете, Божественный. По части чистоты у меня большой опыт и талант.

НЕРОН: Похвально.

ТЕРЦИЯ: И во многом другом.

НЕРОН: Чудесно.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Уж я знаю чем удивить вас, Божественный.

НЕРОН: Прекрасно.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Вы хотели, чтобы я рассказала вам о любви?

НЕРОН: Да.

ТЕРЦИЯ: Что же, слушайте.

НЕРОН: Я весь внимание.

ТЕРЦИЯ: Наша любовь, Божественный, всегда жертвенна и безответна.

Пауза.

НЕРОН: Ну же?

ТЕРЦИЯ: Стесняюсь, Божественный...
Признание в любви, Божественный, – это не тяп-ляп.

НЕРОН: Я не прошу признания в любви. Мне всего лишь хотелось бы узнать, как бы это лучше выразиться, некоторые нюансы, детали...

ТЕРЦИЯ: Детали? Нет ничего проще...
Фаон!

Фаон подает Терции новый бокал вина.

ТЕРЦИЯ (выпивает): Наша любовь, Божественный, всегда жертвенна и безответна.

НЕРОН: Не торопись, мы уже никуда не спешим.

ФАОН: Как мы могли сбиться с пути?! Что-то невообразимое! Не было ещё случая, чтобы я заблудился, Цезарь! Я...

СПОР (Фаону): Ты расскажешь это Тигеллину.

НЕРОН: Тише, пожалуйста! Продолжай, Терция.

ТЕРЦИЯ: Наша любовь, Божественный, всегда жертвенна и безответна.

НЕРОН: Да.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Наша стихия – огонь.

НЕРОН: Хорошо.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Наша стихия – огонь.

НЕРОН: Да.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: От рождения и до самой старости мы несём в себе зной. Но это не пустыня и не пожар. Другое тепло, благодатное. Обладаем талантом согреть. Но талант наш не то чтобы не востребован, нет, он... как бы это лучше сказать... используется не по назначению. Вот я говорю, что мы жертвенны. Не как курицы или ягнята. Осознанно жертвенны. Но это наша природа всего лишь. Это только так говорится. Иносказание. А понимается мужчинами дословно. И нас приносят в жертву. Как ягнят. Или куриц. Испокон века. Мы обладаем талантом любить. Отдавать себя целиком. Без остатка. То есть принимать на себя чужую боль.

Да и радости тоже принимать. Оказывается, осознать это слишком сложно. И нами обладают физически. Пронзают своими вертелами как куриц или ягнят. Мы, несомненно, обладаем талантом благородства. В то время, когда очередной воин, источающий запах лука, крови, пороха, нюхательного табака, сукна, вина и пота грубо пользуется нашими прелестями, изгибами и сокровенными тайнами, вонзая очередной вертел, мы не сокрушаемся, не плачем, не отчаиваемся, не наполняем мутной водой ненависти. Мы ждём.

Надеемся, вот теперь он выпотрошит нас, обглодает до косточек, насытится, пусть... Но, насытившись, непременно обратит внимание на то, что рядом находится, только не

смеётся, в сущности, человек. О двух руках, о двух ногах, другой человек, но человек, красивый человек, без лишней растительности, без храпа, с тонким станом, локонами... все эти изгибы и прочее.

Фаон подносит Терции ещё вина.

ТЕРЦИЯ (выпивает): Но он, этот самый воин, о котором я рассказывала выше...

СПОР: Лётчик?

ТЕРЦИЯ: Не исключено. Или танкист, или пожарник, неважно. Этот воин, сделав своё дело, засыпает, не удостоив нас и словом. Я уже не говорю о том, чтобы запросто поболтать, как мы обыкновенно болтаем между собой, не забывая и слова. Включая их значение.

А разве беседа с нами не могла бы принести пользу? Ведь мы, в силу того, что нам постоянно приходится изворачиваться, подстраиваться, угождать и утешать, обладаем особенного склада умом. Такая беседа могла бы решить многие вопросы, загадки, недоумения, жалобы и другие проблемы...

Да, мы не лишены недостатков. Одним из недостатков, не скрою, является многословие. Вот и теперь вы думаете: боги, как же она многословна! Но что скрыто за этим многословием? Обратите внимание на происхождение самого слова. Многословие, то есть много слов. Слов! Разве за словами нельзя, при желании, различить слова? Слова! А ведь слова состоят из слов. Не так ли? Конечно, не всякое слово есть слово в том смысле слова, когда слово – всем словам слово. Однако же и это, и то слово – слова.

Да, мы любим поболтать. Но всякая ли болтовня, если вдуматься, есть болтовня? Вы послушайте хоть раз эту болтовню. Кажется, что мы болтаем, болтаем без умолку. А мы болтаем не просто так. Со значением болтаем... Болтовня, говорите вы! А стоит нам замолчать, вас охватывает тревога – что это она перестала болтать? Уж не влюбилась ли?

Любовь – вот наша ахиллесова пята, наше слабое звено и гибель наша. Любим, любим, любим. Любовью своей заполняем всё. За что любим, зачем любим, кому это всё надобно? Не любить не можем. Любим, любим, любим. И не хотим того, но любим. Любовь, любовь... Что такое любовь? Любовь ли? Всё о любви. А без любви – никак. На то она и любовь. Любовь! А любовь наша жертвенна и безответна. (Переводит дух.) Наша стихия, Цезарь – огонь. Мы от рождения и до самой старости несём в себе зной. Обладаем талантом согреть. Но талант наш не то чтобы не востребован, нет, он, как бы это мягче выразиться, используется не по назначению. Вот я говорю, что мы жертвенны...

НЕРОН: Спасибо, Терция.

ТЕРЦИЯ: Мы...

СПОР (смеётся): Я предупреждал.

ТЕРЦИЯ: Наша жертвенность.

НЕРОН: Достаточно.

ТЕРЦИЯ: Наша любовь...

НЕРОН: Я всё понял, Терция.

Достаточно.

ТЕРЦИЯ: Но я хотела бы...

НЕРОН: Всё было замечательно.

Спасибо.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Я угодила вам?

НЕРОН: Да, да. Да, Терция. Спасибо.

Спор покатывается от смеха. Фаон с махровым полотенцем подходит к ванне, точно младенца извлекает из неё Нерона, растирает его. Терция принимается обрядить Нерона в просторную белую тунику.

ФАОН: Смеркается, Цезарь.

НЕРОН: Что с того?

ФАОН: Следует подумать о вашей безопасности.

НЕРОН (улыбается): Зачем? Я в безопасности, Фаон, честное слово. Все мои недруги – там. (Указывает на дирижабль.) Наверное, и друзья. Как выяснилось, пьют вино. Разве ты не слышал? Что я здесь делаю, в таком случае, вот вопрос. Не знаешь?

ФАОН: Вы пугаете меня, Цезарь.

НЕРОН: Гони испуг и прочие дурные мысли прочь. Мне ничего не угрожает. Весь ужас остался позади... Главное теперь не оглядываться.

Пауза.

ФАОН: Не нравится мне ваше настроение, Цезарь.

НЕРОН: Давненько не было у меня такого хорошего настроения, Фаон.

ФАОН: Вы действительно уверены, что вам ничего не угрожает?

НЕРОН: Уверен.

Пауза.

ФАОН: Пожалуй, я, всё же, на всякий случай, надену ваш костюм.

НЕРОН: Зачем? На нём живого места нет.

ФАОН: Стратегия.

НЕРОН: Ах, оставь. Это лишнее, Фаон. Говорю тебе, всё – позади.

ФАОН: А вдруг?

НЕРОН: Ну, что же? Если только тебе хочется...

ФАОН: И потом, это для меня большая честь... месь, весть, удача... Удача не подходит.

Фаон начинает переодеваться.

Пиджак тесен и немедленно рвётся в плечах. Брюки не сходятся, и Фаон перепоясывается бечёвкой.

ФАОН: Ох, да что ох... сох пересох... в дар тебе пузо, перца в лоб... Что-то невообразимое! Не было ещё случая...

СПОР (смеётся): Что, Фаон, не получается Нерон?

Фаон, ковыляя, удаляется к костру.

ТЕРЦИЯ: Я, Божественный, не случайно коснулась темы жертвенности нашей...

СПОР: Спасибо, Терция, напомнила.

Давно хотел предложить Цезарю. Очень кстати... Цезарь, по поводу жертвы. На мой взгляд, неплохая мысль. Знаешь, древние со своими бесконечными жертвоприношениями были не так глупы, как нам иногда кажется. Случались великие победы. Люди были как-то добрее и рассудочнее, что ли.

Пауза.

ТЕРЦИЯ: Зачем он это говорит, Цезарь? Цезарь! Зачем он это говорит? Пожалуйста, не слушайте его, Божественный. Он издевается. Он ёрничает... Он издевается. Посмотрите, он издевается! Он всё время издевается. Не слушайте его, прошу вас!

НЕРОН: Я слушаю лёгкую музыку.

СПОР: Напрасно. В моём предложении довольно много смысла.

НЕРОН: Лукавства, ты хотел сказать?

СПОР: Как угодно.

ФАОН (пытается войти в образ Нерона): Вот я и облачился, боги! Во что?! В лохмотья и отчаянье. Видите ли вы теперь, что сделалось с Нероном?! Как выглядит теперь ваш преданный слуга и брат! Немного постарел. Состарился немало. И в этом некого винить. Я сам состарился и сгорбил, ленивец ваш, ваш лицедей и лирик! Испил напиток свой и постарел ваш преданный слуга и брат!.. Я облачился...

СПОР (Фаону): Зеркало принести?

ФАОН: Не отвлекай, бездельник!

СПОР (Нерону): Напрасно ты, Цезарь, не внемлешь. Древние...

ФАОН: Тебе же, Спор, забраться в ванну надлежит.

СПОР (смеётся): Что?

ФАОН: Отправляйся в ванну.

СПОР: С чего это, вдруг?

ФАОН: Цезарь, прикажите Спору забраться в ванну.

СПОР (Фаону): С каких это пор ты стал проявлять ко мне заботу, старик?

ФАОН: Простой расчёт. Так перед ними окажется уже три императора.

СПОР: Перед кем?

ФАОН: Тебе не всё равно? Простой, но верный расчёт, Цезарь. А если, вообразите, Божественный, если они ещё крепко во хмелю...

СПОР: Да кто же?

ФАОН: Злодеи и враги. Так вот. Если они окажутся пьяными, а так и будет, скорее всего, и, разумеется, в глазах у них двоится – все шестеро Неронов предстанут перед ними: в простой тунике двое, в облачении и в ванне четверо. Простой, но гениальный план!

СПОР: Цезарь, он бредит, это очевидно. Послушайте меня. Жертвоприношение...

ТЕРЦИЯ: Жертвоприношение – это обо мне, Цезарь. Он хочет принести меня в жертву! Прошу, Божественный, остановите его!

НЕРОН: Молчите! Музыка!

ФАОН: Жаль. Идея недурна. (Продолжает репетировать.) Я, перед тем, как уронить себя, обдумал всё с лихвою и в достатке! Вся выпитая мною кровь во мне свернулась, точно Терция клубочком и вопиет. (Цезарю.) Сейчас я вымолю для нас прощения, Цезарь. (Возвращается в образ.) Все образы, бродившие во мне волками, взвыли, да так, что сморщилась луна, и погорельцы во мне закрыли головы руками от глубины раскаяния. Я не прошу простить мне прегрешенья и злодейства, но о прощении взываю, двуликий Янус!

СПОР: А тебе не приходило в голову, Цезарь, что этот клоун намеренно привёз нас на пустырь?

ФАОН: Кто?!

СПОР: Ты, кто же ещё?

ФАОН: Неправда. То, что произошло – загадка, и, может быть, спустя тысячелетие ответ найдётся и проступит знаком водяным. Ума не приложу, Цезарь, как это могло произойти?! Мы были в двух шагах от моего дворца...

ТЕРЦИЯ: Я не хочу умирать, Божественный!

СПОР (Терции): Да пойми, девица, иногда жертвоприношение является единственным, подчёркиваю, единственным решением головоломки! Ты что думаешь, древние...

ТЕРЦИЯ (рыдает): Я не хочу умирать!

НЕРОН: Молчите все! Я слушаю музыку. Лёгкую музыку.

ТЕРЦИЯ: Слава Цезарю!

Терция падает ниц и целует Нерону ноги.

НЕРОН: Довольно, Терция, довольно.

ТЕРЦИЯ: Благодарю вас, Божественный.

НЕРОН: Встань, вытри слёзы, слушай музыку и будешь спасена, как я теперь спасён и счастлив! Ты же, Спор, готовься.

СПОР: К чему?! А знаешь, Цезарь, пожалуй, я ошибался, действительно, в этой музыке есть нечто завораживающее. Видишь ли, прежде мне было немного обидно. Я так долго репетировал на этой своей раковине, но у меня ничего не получалось, то есть – абсолютно ничего. И здесь ты прав, какое-то уныние, предчувствие смерти. Но вот теперь, когда оставил я бесплодный инструмент, а в сущности, дар моря, когда душа моя разверзлась...

НЕРОН (Спору): Ступай.

Пауза.

СПОР: Куда?

НЕРОН: В ванну. Разве ты не слышал приказа императора?

Государство

Нерон трапезничает. Терция, мрачнее тучи, моет Спора мыльной ветошью. Фаон возле костра. Перебирает бумаги перед тем, как отправить их в костёр.

ФАОН: Какое богатство! Гражданский гимн! Боги! Вы только посмотрите! Здесь все приказы, положения, распоряжения, формуляры, циркуляры, выписки, протоколы, справки, накладные, отчёты... расчёты, звездочёты... Боги, кто же посмел поднять руку на такую роскошь?!

Нерон встаёт с бокалом в руках.

НЕРОН (благодарно): Я обратил внимание, друзья мои, что мы не говорим о главном. Совсем не касаемся главного. Это замечательно. И я благодарен вам за это.

ФАОН (над бумагами): Сколько сокрытых мыслей и потайных прожектов?! Вся сила Рима здесь. Сотни, тысячи жизней! Сердце кровью обливается жечь это волшебство, эту вечность, Цезарь. Как же надобно ненавидеть самоё человека, чтобы отправить всё это на свалку?

НЕРОН: Я обратил внимание, друзья мои, что, невзирая на отчаяние положения, мы не отказались от ванны, чистой одежды, трапезы, наконец. Мало того, аппетит у нас отменный. Это замечательно!

ФАОН: Я отказываюсь жечь ум, честь и совесть Рима!

НЕРОН: Друзья, всякий человек, в минуты опасности остающийся человеком, может с достоинством объявить: «Я помню всё, но это не лишило меня памяти; я знаю будущее, но это не ослепило меня; я не знаю лица своих врагов, но от этого я не стану видеть врага в каждом. Да, мне ненавистно всё, я заслужил право ненавидеть, но я открыт вину и музыке, и язычкам свечи, сжигающим нещадно мотыльков, в себя влюбленных...»

ФАОН: Эврика! О, боги, как же прежде не явилось мне?! Просто как снег на голову! Можно сказать, осенило... Друзья мои! Это изрытое дождями гибельное, но тихое место, эта лёгкая музыка, этот спелый дирижабль над головой, наконец, мы с вами, и есть Рим... Да, да. Вот именно так теперь выглядит Рим. Это заря, пробуждение. Всё только начинается, друзья мои! Новый Рим!.. Что скажете?.. С этим готов ещё раз пройти и окунуться, припасть и лечь, зажмуриться и войти, потянуться и остаться...

Смело отдавайте приказ, Цезарь!.. Так или иначе, всё всегда возвращается к своим местам. Когда бы вас и не было, вы всё равно были бы, хотим мы этого или не хотим, простите за дерзость, мерзость, трезвость... Даже если бы вы сами предписали себе стать собственным врагом, пустотой, ничем, мы начертали бы, слепили, соткали и вылили бы ваш образ. Нерону быть и Риму быть! Так что просыпайтесь, проникайтесь, набирайте полные лёгкие воздуха, распрямляйте, как

говорится, плечи, дерзайте. Ждём приказа! Я с вами, и все с вами, даже если все – на дирижабле!

Спустятся и припадут! Главное – вовремя отметить, заявить, застолбить, как говорится... Можно ненавидеть канцелярию, мать нашу, и ругать её, и жечь её, но когда приказ озвучен, не сомневайтесь, нырнут, зарюются и утонут с благодарностью и обожанием в сердцах своих. И я утону. С гордостью и радостью, хоть, признаться, и не понимаю пока в канцелярии этой. Разберусь, Цезарь, не сомневайтесь!

НЕРОН (Спору): О чём он?

ФАОН: Всё просто, Божественный. Когда злодеи явятся и потребуют отдать им их императора, мы, без тени смущения, колебания и волнения, предъявим им бумаги – предписания, циркуляры и положения, и в мягкой форме попросим разъяснить, растолковать, объяснить, а главное, обосновать их пожелание ли, предложение ли, требование ли в контексте общепринятых и общепризнанных предписаний, циркуляров и положений. Я уже не говорю о приказах, что противоречат один другому, и, в совокупности, представляют собой то самое, что и составляет, простите за некоторый пафос, вечность.

СПОР: Плевали они на твои бумаги, Фаон!

ФАОН: Э-э, нет. Плохо ты знаешь людей. Бумаги парализуют их. Так было и будет всегда. Так победим! И кровь бескровно пустим, и Ганнибала разобьём без легионов в пух и прах.

СПОР: Умер.

ФАОН: Кто?

СПОР: Ганнибал.

ФАОН: Я лично его не хоронил. (Нерону.) И кровь бескровно пустим, и прах по ветру рассеем, не касаясь, не сомневайтесь, но торжествуйте Цезарь!.. Отпраздновав победу как следует, примемся за возрождение государства. Утраченные документы восстановим, новые придумаем, краше прежних. На века. В таком количестве, что если у кого впредь поднимется рука, хоть с мечом, хоть с оралом, тотчас же и опустится. Не сомневайтесь, отчёты будут составлены, печати проставлены. А стало быть, и детки пойдут.

Нерон впадает в задумчивость.

СПОР (Нерону): Жертвоприношение, уверяю тебя, Божественный, много проще и эффективнее.

ТЕРЦИЯ: Скажите, Цезарь, что Спор шутит!.. Скажите, что он шутит, Цезарь... То, что сказал Спор – шутка? Цезарь! Спор сказал...

НЕРОН (отвлекается от дум): Что сказал Спор?

ФАОН: Спор констатировал факт грядущего принесения Терции в жертву.

НЕРОН: Спор, это правда?

СПОР: Истинная правда, Цезарь. В свете грядущих великих событий только что обозначенных Фаоном...

НЕРОН: Мной.

СПОР: ...тобой и в ознаменование будущей победы над будущим Ганнибалом.

Терция плачет навзрыд, вытирая слёзы ветошью. Фаон приносит ей вино. Терция выпивает. Фаон возвращается к костру.

Музыка прекращается. Единственным звуковым сопровождением остаётся гул.

ФАОН: Между тем по мере приближения ночи помехи в голове возрастают. Ужасающий гул.

СПОР (смеётся): В отблесках костра ты похож на Улисса, Фаон.

ФАОН: Как?

СПОР (громко): на Улисса с золотым руном.

ФАОН (направляется к столу): Ничего удивительного. Мой дед по материнской линии много читал. Несмотря на то, а может быть, как раз благодаря тому, что он был простым лифтьёром. Во-первых, у него было достаточно свободного времени, а во-вторых, и это, пожалуй, главное, он каждодневно наблюдал, как люди возносятся. Вознестись ведь можно и на лифте. В особенности это было актуальным, когда лифты только начали запускать.

Это позже в лифтах стали грабить и гадить. А первоначально к этому изобретению относились с благоговением. Он читал всё, что ему попадет, справочники по механике, путеводители, Чехова, Рушди... Чехова любил. Всякий раз расстраивался. Говорил: «Ну почему они ничего не могут? Так хочется хоть чем-нибудь помочь им». А вот Рушди недолюбливал, хотя мусульманином не был никогда. И ходить по воображаемому канату не пробовал. (Нерону.) А вы не слышите гула, Божественный?

НЕРОН: Что у Цезаря со слухом, Спор?

СПОР: У Цезаря?

НЕРОН: Ну да, у Цезаря Фаона.

Пауза.

СПОР: Божественный, с вами всё в порядке?

ФАОН (репетирует): Отчётность! Отчётность, господа! Представьте вашу отчётность, господа! Прежде чем выполнить ваши требования, я хотел бы взглянуть на вашу отчётность, господа!

НЕРОН: Я задал вопрос. Что у Клавдия Тиберия Фаона со слухом?

ФАОН: Дед, между тем, не страдал сахарным диабетом. Он представления не имел что такое шоколад. Однако это не помешало ему кончить жизнь самоубийством. Возможно, даже и способствовало. Как ни ругай сладкое, мозги без сахара, что эти угри без воды.

Скажите, Цезарь, а вы никогда не охотились на угря?

СПОР: Либо повреждён слуховой нерв, либо прикидывается. Скорее всего, второе.

Фаон бросает банку с угрями на землю. Банка разбивается, и угри расползаются по сцене.

ФАОН: Ну, что же вы, Божественный? Ловите. Их теперь можно брать голыми руками.

НЕРОН (Фаону): Зачем вы это сделали?

ФАОН: Я этим показал себе и вам, в чём наша с ними разница.

НЕРОН: В чём же?

ФАОН: Они беззащитны.

Фаон морщится, хватается за голову руками, стонет.

НЕРОН: Что с вами?

ФАОН: Голова! Бедная моя голова! Погорельцы затеялись играть в прыжки! Какая боль! Что вы делаете? Нет сил терпеть! Пойдите прочь!

СПОР: Идиот.

НЕРОН: Ты мне?

СПОР: Фаону.

НЕРОН: Я и Фаон – одно лицо.

СПОР: Простите великодушно.

ТЕРЦИЯ: Не рещалась, но теперь скажу, Божественный. Я полюбила вас, когда была ещё маленькой девочкой. Мне было три или четыре годика. Я спросила маму, кто этот человек. Мужчины, отвечала мама... Мужчины? Я до того времени не видела мужчин, даже не знала, что это такое.

В то же время, продолжала мама, это не совсем мужчина... Кто же это?.. Много больше. Это – Цезарь. Нерон. Так что, вы, Божественный, были первым и последним мужчиной Цезарем, которого я видела в своей жизни.

ФАОН (понемногу приходит в себя): В наше время...

ТЕРЦИЯ: Теперь вы понимаете, что я особенная женщина?.. И можно ли вот так, запросто, принести меня в жертву, даже если я жертвенна и безответна? Хорошо ли это?

ФАОН: В наше время...

ТЕРЦИЯ: Жизнь, как видите, сложилась совсем не так, как хотелось бы. Опережая события, скажу, что хотела бы посвятить свою жизнь непосредственному служению вам. Служению в непосредственной близости. Пусть это покажется вам нескромным, пусть, я не стыжусь своих чувств.

ФАОН: Я хочу сказать...

ТЕРЦИЯ: Вопрос. Можно ли вот так, запросто, принести меня в жертву, даже если я жертвенна и безответна?

ФАОН: В наше время...

ТЕРЦИЯ: Ответ. Я не жалею ни о чём, и не прошу ни о чём, Божественный... Всё, что я рассказала, я рассказала вам с единственной целью, вы должны знать мотивы принятого

мною только что непоколебимого решения. А решение моё таково: делайте.

НЕРОН: Что?

ТЕРЦИЯ: Всё... Всё, что вам заблагорассудится. Я готова на всё для своего единственного, своего мужчины Цезаря! Не скрою, я бы хотела отправиться за вами в лютые снега и там согревать вас своим теплом. В Сибирь... Но если вы предпочитаете послушать своего друга и если жертвоприношение вам дороже тепла, приносите.

НЕРОН: Что?

ТЕРЦИЯ: Жертву. (Пауза.) Скажите на прощание, вы, хотя бы немножечко полюбили меня, Божественный? (Пауза.) Что ж, я готова.

Пауза.

ФАОН: Я вот на что обратил внимание, Цезарь. В наше время лифтёры – самые начитанные люди.

Пауза.

НЕРОН (Спору): Может быть посттравматическая растерянность? После аварии.

ТЕРЦИЯ: Если всё же вы задумали то, что задумали, Божественный, я должна крепко выпить.

Фаон приносит Терции вина.

ФАОН (покачивая головой): Ну, вот, как чувствовал...

ТЕРЦИЯ: Больше не смотрите на меня, Цезарь, очень вас прошу. Тех глаз уже вы не увидите.

СПОР: Алкоголизм.

НЕРОН: Так уж сразу и алкоголизм?

СПОР: Вне всяких сомнений.

НЕРОН: Прощание с жизнью, Спор. В такой ситуации и не захочешь, выпьешь. Мне жаль её, честное слово.

ТЕРЦИЯ (изучает содержимое бокала): От прежней красоты не останется и следа.

НЕРОН: Хорошо ли это, Терция?

ТЕРЦИЯ: Прошу, Божественный, ни слова больше.

ФАОН (покачивает головой): А я чувствовал их приближение.

ТЕРЦИЯ: Скажу одно: за всё благодарю, Божественный.

НЕРОН: Как помочь твоей беде, Терция, ума не приложу.

ФАОН: Пчёлы... Теперь пчелиный рой в голове... Хотя пчёлы, говорят, очень полезны, но не в том случае, когда расселяются в голове... Я в последнее время много размышляю о пчёлах. Удивительный народ. Всё у них ладно и законопослушно. Но не это изумляет меня. А вот что. Складывается впечатление, что они не имеют ни малейшего представления о нас. Покусывают? Да. Но это у них получается скорее автоматически.

Мы, то же самое, стреляем по грозovým облакам, чтобы предотвратить град или, того хуже, нашествие шаровых молний. Но разве

имеем мы хотя бы малейшее представление о том, что такое грозные облака? А если град и шаровые молнии – их дети? С кем же мы воюем, в таком случае? С кем воюем, того не ведая? С детьми?

НЕРОН: Посттравматическая растерянность.

СПОР: Маловероятно. При посттравматической растерянности гул напоминает трубы легионов, в крайнем случае, канализационные трубы. Пчелиное жужжание – совсем другое.

Пауза.

НЕРОН: Может быть, корь?

СПОР: Корь?

НЕРОН: Может быть, осложнение после кори? Ты не знаешь, он в детстве корью не болел?

ТЕРЦИЯ: Деторождение. Вот то непознанное, что никогда мне не придётся испытать... Что тут можно сказать? Очень жаль... Ваше здоровье, Божественный! Живите! Живите долго! Как можно дольше!

НЕРОН (Спору): Спроси у него.

СПОР: Что спросить?

НЕРОН: Болел ли он корью? Не обязательно в детстве. Нередко корью болеют взрослые.

СПОР: Он не любит меня и отвечать не станет. Даже если докричусь.

Пауза.

НЕРОН (громко): Цезарь, скажите, в детстве или позже, в юности, например, может быть совсем недавно, не отмечали вы у себя такой мелкой сыпи, наподобие малинового крапа?

ФАОН: Не сомневайтесь, Цезарь! Всё будет исполнено в лучшем виде и даже лучше.

НЕРОН: Определённо, корь.

Снег

Терция направляется к Нерону, снимает с себя головной убор и водружает ему на голову.

НЕРОН: Что ты делаешь, Терция?

Терция принимается красить Нерону глаза.

ТЕРЦИЯ (загадочно): Скоро, очень скоро...

НЕРОН: Что ты делаешь, Терция?

ТЕРЦИЯ: Вы станете ангелом, Божественный.

СПОР: Мне холодно!

Фаон подливает в ванну горячую воду.

НЕРОН: Спор, хорошо ли то, что она делает?

СПОР: Пар. Я ничего не вижу.

Пауза.

НЕРОН: Пар рассеялся?

СПОР: Что?

НЕРОН: Хорошо ли то, что делает со мною Терция?

СПОР: Ты же знаешь, я не люблю грубый макияж.

НЕРОН: Последний раз спрашиваю, Спор, хорошо ли то, что она делает?

СПОР: Она пьяна.

Пауза.

НЕРОН (Фаону): Цезарь, скажите, хорошо ли то, что делает теперь со мною эта девушка?

ФАОН: Кто бы что бы ни говорил, Цезарь, женщины чертовски умны и сообразительны... Предвижу панику в рядах наблюдателей... предателей, гробокопателей! Ай да Терция! Ай да сукин сын! Скажу одно! Победа! Виват Цезарю! Ура!

Пауза.

НЕРОН: Устал. (Пауза.) Хотел веселья, хора, всё прошло. Теперь я сыт и пьян, мне хочется спать и... спать... Предписание я выполнил... теперь – закрыть глаза...

ФАОН: Как это «закрыть», Божественный? А что же будет с новым Римом, вы подумали? Что такое новый Рим без вас, без нас?! Потерпите немного. Скоро всё будет хорошо. Теперь, когда мы все – Нерон, а вы, вдобавок ко всему ещё ангел, нас голыми руками не взять!

ТЕРЦИЯ: Ещё немного, Божественный, и вы будете вылитым ангелом, и даже лучше!

ФАОН (Терции): Не нужно лучше! Ни в коем случае, Терция. Требуется точное портретное сходство.

НЕРОН: Конечно, мы можем попытаться обмануть их, но предписание, судьбу, богов не обмануть, Цезарь Фаон. Цезарь Нерон бесконечно грешен...

ФАОН: Что касается богов, мы с ними на одной ступени, когда настанет час – сумеем договориться. Переждём ночь. Всё уляжется. За бокалом вина с Янусом...

НЕРОН: Вы так доверяете Янусу?

ФАОН: Как же ему не доверять? Как же ему не доверять? Как же? Мы, Цезарь, – братья-близнецы ему.

Терция завершает работу.

ФАОН: Цезарь, вы ли это? Спор, взгляни на Цезаря, ты узнаёшь его? Скажите, Цезарь, это вы? Нет, нет, не говорите. Ангел.

ТЕРЦИЯ: Ангел!

ФАОН: Ангел!

НЕРОН (горько улыбается): Не знаю, друзья мои, справлюсь ли я с этой неожиданной ролью?

ФАОН: Быть может, первый раз в жизни вам ничего не понадобится играть! Вы всегда были ангелом.

СПОР: Жаль – они этого не знают.

НЕРОН: Кто?

СПОР: Они.

НЕРОН: Цезарь Фаон сумеет защитить нас, Спор.

СПОР: Наврядли. У них берданы и стрелы. Военно-морской флот.

НЕРОН: Военно-морской флот? Да, конечно.

Пауза.

ФАОН: А с кем подводники? Что теперь делают подводники, Спор?

СПОР: Пьют вино. Как всегда.

Пауза.

НЕРОН (Спору): Не знаешь, любят они театр?

СПОР: Кто?

НЕРОН: Подводники.

ФАОН: Речь о подводниках.

СПОР: Обожают.

НЕРОН: Значит, будут плакать...

Направят в пучине морской пушки на своего короля, своего Лира. И ну, палить. Палить и плакать, палить и плакать...

ФАОН: Сколько в вас величия, император! Но вам не о чем беспокоиться. Своим поступком вы обессмертили себя. Теперь уже окончательно можно констатировать: смерти нет... Для вас, во всяком случае.

НЕРОН: Какой именно поступок вы имеете в виду, Божественный?

ФАОН: Добровольно согласились принять на себя роль ангела, а, следовательно, разделить его участь.

Терция направляется к ванне.

НЕРОН: А ты промолчал Спор.

СПОР: Мне холодно здесь.

НЕРОН: Я жду твоего слова.

СПОР: Согласен.

НЕРОН: С чем?

СПОР: Подпишусь под каждым твоим словом.

НЕРОН: На кого я теперь похож, Спор?

СПОР: Честно?

НЕРОН: Честно.

СПОР: На Сару Бернар.

Пауза.

НЕРОН: За что ты ненавидишь меня?

СПОР: Никто, Цезарь, не любит тебя больше моего.

НЕРОН: Мама.

СПОР: Ты знаешь, что это не так.

НЕРОН: Вы все желали её смерти.

СПОР: Неправда.

НЕРОН: Вы убили её!

СПОР: Она умерла естественной физиологической смертью.

НЕРОН: Я ничего не знаю о том, как она умерла. Вы скрыли от меня подробности.

СПОР: Всё было достойно и осознанно.

НЕРОН: Что значит «осознанно»?

СПОР: Она сама направляла перст судьбы.

НЕРОН: Что это значит?

СПОР: Последними её словами были: «Бей в чрево!».

Пауза.

НЕРОН: Кому она говорила это?

СПОР: Ангелу.

НЕРОН: Ангелу?!

СПОР: Другому ангелу, ангелу смерти.

НЕРОН: Как он выглядит этот ангел?

СПОР: Совсем не похож на тебя. Ты – рыжий, как Гамлет, а тот – темноволосый, карие глаза, прихрамывает.

Пауза.

НЕРОН: Христианин?

СПОР: Не исключено.

Пауза.

НЕРОН: Что же, нельзя было его остановить?

СПОР: Кого?

НЕРОН: Ангела этого?

СПОР: Какой ответ хотелось бы тебе услышать?

Долгая пауза.

ФАОН: Чёрт бы побрал этот гул!

НЕРОН (Фаону): Однако вы много бранитесь, Цезарь Фаон.

ФАОН: Просвещённые люди обыкновенно ругаются.

СПОР: Просвещённые люди никогда не ругаются.

ФАОН: А ты зайди как-нибудь в курилку Сената. Так, ради любопытства. Мат столбом, хоть топор вешай.

СПОР: Дым.

ФАОН: При чём здесь дым?

СПОР: Да будет вам известно, Цезарь Фаон, топор вешают не в заруганных, а в задымлённых помещениях.

ФАОН: Как такое может быть?

СПОР: Очень просто.

ФАОН: Зачем вешают?

СПОР: Фига Ньютону.

ФАОН: Фига?

СПОР: Фига, кукиш.

ФАОН: Кто такой Ньютон?

СПОР: Так. Один склочник. Заявлял, что если на сцене топор, рано или поздно он упадёт на голову упомянутого Гамлета. Если, разумеется, тот не будет пьяным в дым.

ФАОН: Между прочим, Гамлет бранился нещадно.

СПОР: Кто?

ФАОН: Гамлет.

СПОР: Почему?

ФАОН: Не хотел умирать.

Пауза.

СПОР: Почему же, в таком случае, то самое место в Сенате называется курилкой?

ФАОН: Потому, что там иногда появляются так называемые курилки.

СПОР: Кто это, так называемые курилки?

ФАОН: Не секрет, что наши сенаторы – дряхлые старцы, даже если молоды...

СПОР: И что?

ФАОН: А то, что вместо приветствия они чаще всего вопрошают: «Жив ещё, курилка?» Интересуются, жив ли ещё их визави. Не желают здоровствовать, даже не интересуются здоровьем, а уточняют, с кем именно дело

имеют, с живым человеком или с покойником, в просторечье – курилкой.

НЕРОН: Что, среди сенаторов может оказаться покойник?

ФАОН: Сплошь да рядом.

НЕРОН: Как же он в Сенат приходит?

ФАОН: Ножками.

НЕРОН: Как такое может быть?

ФАОН: А куда деваться, когда велено явиться? Помыться, побриться...

НЕРОН: Кем велено?

ФАОН: Какая разница? Вами, мной ли? Нами, Божественный.

Пауза.

НЕРОН: Да. Так материализуются самые случайные, самые ничтожные слова. Брякнул между делом, и всё пришло в движение, выстроилось по местам и ждёт дальнейших указаний... Не обязательно слова императора. Чьи угодно. Всякий может сказать и будет выполнено. Не теперь, так позже.

ФАОН: Государство!

НЕРОН: Некий недоброжелатель, кто-нибудь из тех же сенаторов... даже не буду гадать, кто именно... в отместку, а, может быть, просто, в шутку ляпнул: «Чтобы ему самому не познать, что такое Круги?» Понимаете, какие Круги имею я в виду? И вот уже бывший раб, вольноотпущенник, а в недалёком будущем император, сам того не подозревая, влачит бывшего своего хозяина в указанном направлении... А я? Я не испытываю ничего кроме благодарности. (Долгая пауза.) За что они не любят меня?

СПОР: Кто?

НЕРОН: Сенаторы.

СПОР: Они никого не любят. У большинства с этим проблемы.

НЕРОН: Почему?

СПОР: Напряжённая работа ума, нездоровое питание... У них причинные места крохотные и сморщенные, как земляные орехи. Кроме того, они бесконечно глупы.

НЕРОН: В наше время глупость – признак сильного человека... За что они так со мной, Спор?

СПОР: Людям свойственно сваливать собственные грехи на своих благодетелей, Цезарь. Мы уже касались этой темы.

НЕРОН: Им не нравится смотреть в зеркало. Они предпочитают выглядывать из-за него. Не замечал?

СПОР: Замечал.

Пауза.

НЕРОН: За что они так сомной?

СПОР: Только что докладывал...

НЕРОН: Скажи ещё раз.

СПОР: Они чувствуют себя, в известной степени, униженными...

НЕРОН: А ты?

Пауза.

СПОР: Что?

НЕРОН: Ты за что ненавидишь меня?

Пауза.

СПОР: Это риторический вопрос или я должен что-то сказать?

НЕРОН: Не знаю... Тебе самому хотелось бы сказать мне что-нибудь?

Пауза.

СПОР (настороженно): Хотелось бы... Наверное.

НЕРОН: Наверное?

СПОР: Безусловно хотелось бы.

НЕРОН: Что именно хотел ты мне сказать, Спор?

СПОР: Много всего. Я люблю беседовать с тобой, Цезарь! В сущности, я ни с кем, кроме тебя не беседую, только с тобой и беседую. Вся моя жизнь – это беседа с тобой. Это доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Уж, казалось бы, столько сказано, а всё не наговориться. Хочется ещё и ещё говорить с тобой, Цезарь. Никак не могу наговориться. Иногда кажется, что не хватает слов...

Пауза.

НЕРОН: Что ты хочешь сказать, Спор?

СПОР: Люблю тебя...

НЕРОН: Не то. Есть что-то более важное.

СПОР: Намекните.

Пауза.

НЕРОН: Ты что, испуган?

СПОР: Я всегда пребываю в трепете, когда...

НЕРОН: Ты говорил что-то о жертвоприношении.

СПОР: Ах,это?

НЕРОН: Именно.

СПОР (облегчённо): О, боги!.. Да, жертвоприношение... Сейчас, приду в себя... Да, счастливая мысль, Цезарь, не иначе. Это можно назвать доброй традицией. К сожалению, в последнее время традиции как-то стали забывать. И напрасно, на мой взгляд...

Терция, крепко схватив голову Спора, топит его. Спор отчаянно борется. Несколько раз ему удаётся вынырнуть, но в конце концов силы покидают его и на поверхности оказывается мёртвая уже голова.

НЕРОН (Терции): Что там случилось, мама? Почему он замолчал?

ФАОН (Терции): Отвечай. Он к тебе обращается.

НЕРОН: Ты узнала его, мама? Это был тот самый ангел, мама?

ТЕРЦИЯ (ужас в глазах): Да.

Пауза.

НЕРОН: Ты убила его, мама?

ТЕРЦИЯ: Он утонул.

НЕРОН: Слава богам?

ТЕРЦИЯ: Слава богам.

Долгая пауза.

НЕРОН: Что же, теперь мой черёд? (Фаону.) Или я всё же бессмертен? Что скажешь, Спор?

ФАОН: Вы бессмертны, Цезарь.

НЕРОН: Ты бессмертен.

ФАОН: Ты бессмертен, Цезарь.

Пауза.

НЕРОН: Можешь называть меня учителем.

СПОР: Ты бессмертен, учитель.

НЕРОН (плачет): Вот теперь и я плачу.

СПОР: Больно?

НЕРОН: Это слёзы умиления.

Пауза.

СПОР: Они боятся тебя даже мёртвого.

НЕРОН: Спасибо, друг!

СПОР: Ты бессмертен!

НЕРОН: Зачем ты придумал это сказать? Что ты делаешь со мной?! Разве тебе нравится, когда твой Цезарь плачет?

СПОР: Они и мёртвого тебя боятся.

НЕРОН (приступ паники): Спор, посмотри на меня скорее! Посмотри на меня, мой мальчик! Моё лицо!

Фаон подходит к Нерону.

ФАОН: Что, что случилось?

НЕРОН: Моё лицо не загрязнилось? Я бледен? Скажи мне, только честно, я бледен? Моё лицо не загрязнилось?

ФАОН: Нет.

НЕРОН: Что «нет»?

ФАОН: Не загрязнилось.

НЕРОН: Я бледен? Меня всегда отличала бледность. Я бледен?

ФАОН: Бледен.

Пауза.

НЕРОН: Зеркало. Мне нужно зеркало.

Фаон неуклюже бежит к автомобильным руинам, возвращается с огромным зеркалом, по дороге падает, разбивает его.

НЕРОН: Ты нарочно это сделал.

Фаон кричит в отчаянии.

НЕРОН: Ну-ну, довольно... Это к счастью, если я ничего не путаю.

Фаон сидит, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Терция, подняв с земли осколок аквариумного стекла, подходит к нему.

ФАОН: Что тебе?

Терция протягивает Фаону осколок и ложится перед ним, раскинувшись крестообразно.

ТЕРЦИЯ (осипшим голосом, едва слышно): Бей в чрево.

ФАОН: Что ты?!

ТЕРЦИЯ: Бей в чрево!

ФАОН: Да говори ты громче, я же ничего не слышу.

ТЕРЦИЯ (изо всех сил): Бей в чрево!

Терция лишается чувств.

ФАОН: Что это, Цезарь? Что она говорит? Что мне делать?

НЕРОН: Выполняй предписание. Мне ли тебя учить?

ФАОН: Я не знаю предписания! Я не знаю предписания! Я не знаю... предписания!

Пауза.

НЕРОН: Мы запустим с тобой воздушного угря, Спор. Неплохая компания нашему дирижаблю. Там в автомобиле должен быть большой белый воздушный угорь... Ты видел там большого белого воздушного угря?

Фаон плачет.

НЕРОН: Что такое?

ФАОН: Я уже запустил его.

Пауза.

НЕРОН: Когда?

ФАОН: В четверг.

Пауза.

НЕРОН: Без меня?

ФАОН (плач усиливается): Прости, Цезарь. Я не смог удержаться.

Пауза.

НЕРОН: Ничего. Доберёмся до Фаона и смастерим нового. Хочешь, это будет большой красный угорь?

ФАОН: Да.

НЕРОН: Нужно же чем-то заниматься в изгнании. Как думаешь?

ФАОН: Ну-ну-нужно.

НЕРОН: Но прежде ты должен искупить свою вину. Не так ли, милый Спор?

Фаон вновь кричит, хватая осколок и вонзает его в Терцию, кричит и вонзает нож ещё раз, кричит и роняет нож, кричит и хватается за голову, кричит и... падает на Терцию и умолкает.

НЕРОН: Какой великий артист умирает! Занимается снегопад. С пращами, ружьями и лестницей входят уже знакомые нам молодые люди. Один юноша отделяется, подходит к Фаону и целует его.

На дирижабле открывается дверца. Молодые люди устанавливают лестницу и, подхватив Нерона под руки, помогают ему забраться в дирижабль.

Дверца закрывается. Молодые люди уходят.

Спор открывает глаза, выбирается из ванны, растирается полотенцем. Фаон поднимается сам и помогает подняться Терции.

Подходят к столу, принимаются за ужин.

С неба доносится довольно однообразная фортепианная музыка, наподобие той, что некогда транслировалась по радио для любителей утренней гимнастики.